

человек загадка

Владимир
ШИГИН

ПИРАТ
И РЫЦАРЬ
ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА

ДРЕЙК

Владимир Виленович Шигин
Дрейк. Пират и рыцарь Ее Величества
Серия «Человек-загадка»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14655032
Дрейк. Пират и рыцарь Ее Величества: Вече; Москва; 2014
ISBN 978-5-4444-2557-2, 978-5-4444-8334-3

Аннотация

Английский мореплаватель, вице-адмирал и руководитель пиратской экспедиции в Вест-Индию; перевозчик рабов из Гвинеи в Южную Америку и в то же время организатор и участник ряда успешных морских походов с целью захвата судов испанских работорговцев и грабежа испанских владений; он совершил второе после Магеллана кругосветное плавание и фактически командовал английским флотом при разгроме испанской Непобедимой армады. Все это он – таинственный и легендарный «пират Ее Величества» сэр Фрэнсис Дрейк!

Содержание

Предисловие	5
Жизнь после смерти	6
Глава первая. Юность дракона	12
Глава вторая. Крещение огнем	19
Глава третья. Дракон расправляет крылья	27
Глава четвертая. Паруса, наполненные ветром	37
Глава пятая. «Дело Доути»	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Владимир Шигин

Дрейк. Пират и рыцарь Ее Величества

© Шигин В.В., 2014

© ООО «Издательство «Вече», 2014

Предисловие

Его имя боготворили при жизни и боготворят вот уже более четырех веков. Его проклинали как исчадие ада, а именем его пугали детей. И сегодня, при его упоминании, миллионы людей меняются в лице, как меняются истинные христиане при упоминании в их присутствии имени сатаны.

Одни считали, и по сей день считают, что этот человек был настоящим божьим посланником, призванным спасти родину от вражеского нашествия. Другие, наоборот, полагали и полагают, что он – настоящее исчадие ада, а если все же он и был посланником, то не иначе как посланником самого дьявола. Удивительно, но каждый из боготворящих или проклиняющих был по-своему прав, ибо этого человека звали Фрэнсис Дрейк.

Искусный мореплаватель и удачливый первооткрыватель, талантливый флотоводец и жестокий пират, неутомимый искатель наживы и храбрый воин, азартный авантюрист и настоящий патриот своего Отечества – все это он, Фрэнсис Дрейк. В жизни этого человека было столько самых невероятных приключений, что их с лихвой хватило бы на десяток жизней. Именно он завершил эпоху великих географических открытий, и именно он положил начало эпохе классического океанского пиратства.

Вокруг имени и деяний Дрейка всегда была завеса таинственности, о его невероятной удачливости ходили легенды. Этому способствовала прежде всего и сама его фамилия, имевшая несколько значений, так или иначе связанных с морем. Drake в переводе с английского может означать как «селезень», так и «небольшой шлюпочный якорь». Еще одно, пожалуй, самое удачное значение фамилии Дрейк – «дракон».

Известно, что никто и никогда не переводит фамилии с одного языка на другой, их принимают как есть, без всякого перевода. Исключение из этого правила (одно из немногих за всю историю человечества) было сделано именно для Дрейка. Это осуществили яростно ненавидящие Дрейка испанцы. Даже в официальных испанских документах XVI века Фрэнсис Дрейк значился под именем El Drague, означающим как по-английски, так и по-испански конкретно дракона. Именно поэтому многочисленные морские подвиги Фрэнсиса Дрейка и теперь нередко называют «полетом дракона». Для англичан эти полеты были блистательными, для испанцев они были смертельны.

Вот уже несколько столетий все новые и новые поколения людей не перестают удивляться невероятным подвигам «морского дракона», все новые и новые поколения исследователей пытаются разгадать загадку его феномена. Дрейку посвящают научные и исторические трактаты, приключенческие книги, документальные и художественные фильмы. Его по-прежнему чтут или ненавидят, однако он и его дела по-прежнему никого не оставляют равнодушными.

Каким он был – «морской дракон» Фрэнсис Дрейк? Что сумел он свершить такого, что человечество помнит о нем и сегодня, спустя четыреста лет? Все ли тайны его жизни уже раскрыты, или же и ныне остались в ней неведомые нам страницы? На все эти вопросы я и попытаюсь ответить в этой книге.

Жизнь после смерти

Согласно многочисленным легендам, Дрейк, будучи настоящим волшебником, мог творить чудеса, а потому он вовсе не умер, как все смертные люди, а погрузился в вечный сон, готовый пробудиться, как только Британия снова подвергнется опасности.

Среди испанцев еще при жизни адмирала-пирата возникла вера в то, что дьявол в образе Дрейка владеет неким волшебным зеркалом, которое позволяет последнему видеть корабли в самых разных частях света, что у Дрейка какое-то сверхъестественное чутье на золото, запах которого он чувствует за тысячи миль.

Все эти дары были даны английскому мореплавателю, разумеется, не случайно. Если верить еще одной испанской легенде, сэр Фрэнсис еще в ранней молодости продал душу дьяволу в обмен на удачу на морях. Удивительно, но эту легенду тотчас переняли и боготворившие Дрейка соотечественники, причем говорили они о сделке Дрейка с нескрываемым восторгом, будучи при этом в своем подавляющем большинстве истинно верующими людьми. Очевидцы утверждали, что именно Дрейк сумел навлечь жесточайшие штормы на испанскую Армаду при поддержке дивонских ведьм, с которыми он якобы водил дружбу с раннего детства и которые всегда ему помогали. Даже сегодня, спустя четыре века, англичане твердо верят, что призраки подружек Дрейка, тех самых «дрейковских» ведьм, и в наше время можно увидеть ненастной погодой темной ночью на Мысе Дьявола, что защищает от ветров проход к Девонпорту. Кроме этого существует поверье, что дьявол был настолько доволен подвигами Дрейка, что в награду за все им содеянное буквально за три дня построил своему любимцу дом в Бакленд-Эбби. Этот «дьявольский» дом Дрейка сохранился, и каждый желающий может лично оглядеть апартаменты знаменитого адмирала-пирата, чтобы проникнуться обаянием его личности. Слов нет, даже на своих портретах Дрейк выглядит удивительно обаятельным, а потому вполне верится, что на его кораблях никогда не было бунтов и команды буквально обожали своего капитана не только за всегдашнюю удачу, но и за человеческое отношение, умение пошутить, приободрить, а когда надо, и прикрикнуть.

Согласно молве, сэр Фрэнсис некогда использовал свои волшебные чары и для обеспечения жителей Плимута новыми источниками питьевой воды: для этого он просто произносил какое-то только ему известное заклинание над источником в Дартмуре и приказал воде следовать за ним до Плимута. Дрейк шел по дороге, а вслед за ним по обочине бежал водный поток.

Вид на Бакленд-Эбби

В другой легенде рассказывается о том, как Дрейк однажды обстругивал кусок дерева, сидя на утесе Плимут-Хоу. При этом каждая его стружка, падая в море, тут же превращалась в боевой корабль с полным вооружением. И сегодня многие в Англии считают, что именно так их страна и стала великой морской державой!

А потом знаменитый мореплаватель влюбился в некую Элизабет Сайденхем – девушку из аристократической семьи. Однако ее титулованные родители вовсе не хотели родниться с пиратом, пусть даже и с весьма удачливым. Делать нечего, и Дрейк ушел в очередной поход, чтобы разбогатеть, взяв при этом со своей любимой слово, что она его непременно дождет. Сначала Элизабет ждала Дрейка, но минул год, потом второй, а от него все не было никаких вестей. Затем поползли слухи, что Дрейк и вовсе погиб. Родители не теряли времени даром и подыскивали ей вполне приличную партию. Воля девушки постепенно слабела, и в конце концов она согласилась стать женой другого человека. Но в тот же миг о готовящейся свадьбе узнал и Дрейк, хотя и был на другом конце света. Пират тотчас велел зарядить пушку и выстрелил ядром в небо. Свадебная церемония только началась, как к ногам невесты внезапно с неба упало пушечное ядро.

– Это знак от Дрейка! Он жив и скоро вернется! – закричала Элизабет и тут же отказалась от навязанного ей жениха.

Когда же Дрейк вернулся с моря, она вышла за него замуж. И ныне легендарное «пушечное ядро» (метеорит размером с футбольный мяч) хранится в Кум Сайденхем-хаусе, и каждый может оценить как способности легендарного моряка, так и оригинальность самой легенды.

Несмотря на приписывавшиеся ему волшебные чары, Дрейк все же, как известно, потерпел поражение от испанцев в Вест-Индии. В следующем же году он и вовсе умер на борту своего судна у побережья Панамы, недалеко от Пуэрто-Белью. Похоронили Дрейка в

море весьма достойно, привязав к его ногам два серебряных ядра. Сделано это было якобы для того, чтобы и на том свете покойник не пребывал в бедности...

Доподлинно известно, что, когда известие о смерти знаменитого пирата достигло Испании, там несколько дней подряд шли народные гуляния, праздничные карнавалы, корриды и благодарственные молебны в церквях, столь радостна была для испанцев смерть Дрейка.

Но и после смерти Дрейк не перестал творить чудеса во славу своего Отечества. Так, говорят, что, уже находясь на смертном одре, сэр Фрэнсис распорядился о том, чтобы его любимый барабан, который он возил с собой по всему свету и считал приносящим удачу талисманом, после его смерти отправили на вечное хранение в дом адмирала – Бакленд-Эбби в Девоншире.

При этом сэр Фрэнсис, умирая, якобы, сказал, что, как только его родине будет угрожать опасность, то пусть соотечественники бьют в этот барабан, и он сразу же воспрянет ото сна, чтобы привести Британию к новым победам на морях. Эта легенда о Дрейке весьма напоминает сказания о других национальных героях Англии – короле Артуре и Диком Эдрике, которые тоже обещали вернуться из царства мертвых в случае опасности, грозящей их родине, но «дрейковский вариант» легенды имеет соответствующий военно-морской акцент.

Вместе с барабаном вдове были переданы меч и Библия адмирала. Легендарный барабан и сегодня может увидеть каждый желающий, он висит на стене в большом зале Бакленд-Эбби.

Легенда о барабане легла в основу стихотворения Генри Ньюболта «Барабан Дрейка», впервые напечатанного в «Сент-Джеймс газетт» в 1895 году. Стихотворение Ньюболта весьма удачно использовалось для поднятия патриотического настроения во время Первой мировой войны. Вспомнили о нем и во Вторую мировую, вновь напечатав в августе 1940 года. В обоих случаях за публикациями следовали сообщения очевидцев о том, что барабан Дрейка снова подал свой голос.

Существует целый ряд версий о барабане Дрейка. Народная молва утверждает даже, что этот барабан принимается стучать сам по себе всякий раз, когда Великобритании угрожает опасность. Так, говорили, что звуки этого барабана слышали перед Трафальгарской битвой. Такой случай якобы имел место и в 1914 году перед началом Первой мировой войны, когда барабан внезапно застучал на дредноуте «Роял Оук» («Королевский дуб»). Дважды были предприняты попытки узнать, откуда происходят эти таинственные звуки, но они результатов не дали. А барабан адмирала Дрейка находился в это время за 800 миль от места события, в Баклендском аббатстве. Барабанный бой повторился на этом же линейном корабле в 1916 году, когда удалось выманить в открытое море весь германский флот и сразиться с ним в знаменитом Ютландском сражении. В последнем случае, как говорят, дробь одинокого барабана одновременно раздалась на всех британских кораблях, едва те сомкнули кольцо вокруг немцев. По приказу командиров немедленно начался поиск таинственных барабанщиков, но никого, конечно, так и не обнаружили.

Английский писатель-маринист Дуглас Белл в книге «Дрейк», изданной в 1935 году, упоминает о любопытном происшествии, случившемся в 1918 году, когда германский флот сдался в проливе Скапа-Флоу. Британский флот стал приближаться к немецким судам, и на флагманском корабле «Роял Оук» загремел барабан и продолжал греметь с промежутками, пока флот не стал на якорь. Стали выяснять, кто это сделал, дважды посылали гонцов, и даже сам командующий провел личное расследование, но никакого барабанщика не нашли, а все матросы стояли в это время по своим местам. По флоту мгновенно распространился слух, что это гремел барабан Дрейка.

После этих случаев «Роял Оук» стал считаться плавающим талисманом английского военно-морского флота и «кораблем Дрейка». Несмотря на то что к моменту Второй миро-

вой войны «Роял Оук» был уже достаточно устаревшим, свой флаг командующий флотом метрополии всегда держал именно на нем. Считалось, что таким образом, каждый новый командующий впитывает в себя дух Дрейка, а дух Дрейка непременно принесет удачу.

Впрочем, история с «Роял Оук» в конце концов закончилась весьма печально. Темной октябрьской ночью 1939 года стоящий на якоре в главной базе британского флота Скапа-Флоу линкор был внезапно атакован немецкой подводной лодкой U-47 под началом Гюнтера Прина и взорван. Погибла большая часть экипажа (более 800 человек) во главе с главным командующим флотом метрополии адмиралом Блэнгроувом. И это в самом начале Второй мировой войны, когда вся Англия ждала, что на «Роял Оуке» вот-вот снова зазвучат барабаны спасителя страны! Шок от гибели корабля-талисмана был настолько силен, что Уинстон Черчилль решился объявить о катастрофе лишь некоторое время спустя. Однако англичане не растерялись и тут же заявили в печати, что «Роял Оук» взорвался лишь потому, что духу сэра Дрейка просто поднадоел этот старый корабль и он перебрался на другой. Самое удивительное, что в это как один человек поверила вся страна, сразу же начав со всей серьезностью обсуждение того, какой из новейших линкоров предпочтительнее для обитания духа сэра Дрейка.

Легенда о барабане легла в основу стихотворения Генри Ньюболта «Барабан Дрейка», впервые напечатанного в «Сент-Джеймс газетт» в 1895 году. Это стихотворение Ньюболта использовалось для поднятия патриотического настроения в 1916 году, во время Первой мировой войны. Вспомнили о нем и во Вторую мировую, вновь напечатав в августе 1940 года. В обоих случаях за публикациями следовали сообщения о том, что барабан Дрейка подал голос. Его звуки раздавались во время эвакуации после разгрома английских войск из Дюнкерка в июне 1940 года, а в сентябре 1940 года два армейских офицера клялись, что слышали его на побережье Гэмпшира. При этом нет никаких сведений о том, чтобы кто-то попытался вызвать Дрейка, ударив для этого в его барабан. Когда британские моряки слышали его дробь, он бил только сам по себе и только в час большой национальной опасности. В последний раз английские моряки слышали барабан Дрейка перед началом знаменитого Фолклендского конфликта с Аргентиной в 1982 году.

Английский писатель Р. Л. Хэдфилд приводит странную историю, касающуюся серебряной модели барабана Дрейка, подаренной британскому кораблю «Девоншир» в 1929 году. Обычно все, что связано с Дрейком, должно приносить морякам счастье, но на этот раз случилось иначе. С самого момента спуска на воду судно преследовали несчастья, включая взрыв в оружейной башне, унесший семнадцать жизней. Все – и офицеры, и рядовые матросы – решили, что виноват во всем барабан Дрейка, и поверили в это настолько твердо, что, когда корабль вышел в море в 1936 году, эту серебряную модель оставили на суше, в церкви Св. Николая в Девонпорте, где она никому не может навредить. До наших дней дошло английское морское поверье: если, начав поднимать якорь, услышишь, барабанный бой – быть беде.

Барабан Дрейка. Реплика

В народном британском фольклоре сэр Фрэнсис фигурирует также как предводитель так называемой «Дикой охоты» – главаря группы призраков, преследующих, согласно народным поверьям, потерянные души. Но и в этом случае все его подчиненные призраки – исключительно бывшие моряки, да и преследуют они тоже только своих собратьев по морской стезе, прежде всего врагов Англии, а также тех, кто преступил закон военно-морской службы.

Но и это не все! В Англии вот уже несколько столетий бытует твердое убеждение, что в какой-то степени Дрейк обрел новое воплощение в других знаменитых британских адмиралах. То, что дух Дрейка в свое время вселился в победителя Абукирского и Трафальгарского сражений вице-адмирала Горацио Нельсона, сомнений не вызывает ни у кого. Об этом написано немало статей, сняты фильмы. Однако впоследствии вопрос переселения дрейковского духа в новых флотоводцев решался уже не так просто. Так, в годы Первой мировой войны на право именоваться «вместилищем души Дрейка» претендовали сразу два британских адмирала: командующий Гранд-флотом Джелико и командующий эскадрой линейных крейсеров Битти. Между сторонниками двух адмиралов кипели страсти весьма нешуточные! То же самое повторилось и в годы Второй мировой войны, когда сразу несколько «партий» выдвигали своих кандидатов в претенденты на право принять в себя душу знаменитого пиратского адмирала. По мнению большинства англичан, в этот период главным претендентом на вместилище души сэра Фрэнсиса был командующий английским флотом на Средиземном море адмирал Кэнингхэм.

Удивительно, но, несмотря на столь большую любовь к своему кумиру, англичане со времен смерти Дрейка ни разу не назвали в честь него ни одного своего боевого корабля. Почему так случилось и что стоит за этой несколько странной традицией, остается тайной, которую, судя по всему, мы узнаем еще весьма не скоро.

Глава первая. Юность дракона

Во второй половине XVI века отношения между Англией и Испанией стали откровенно враждебными. Захватив Американский континент, Испания выкачивала из него невиданные дотоле в Европе богатства, что вызывало зависть у менее удачливых конкурентов, и в первую очередь у Англии. А потому даже во время мирных передышек Лондон сквозь пальцы смотрел на то, как предприимчивые англичане грабят прибрежные испанские города Америки, захватывают перевозящие драгоценные грузы в Испанию суда. Вражда торговая обострялась и враждой религиозной. Римский папа отлучил королеву Елизавету от церкви и освободил английских католиков от подчинения ей. А потому для фанатичных католиков-испанцев англичане были отъявленными еретиками, которых следовало сжигать. И их сжигали. Особенно охотилась за английскими еретиками инквизиция. В ответ англичане вешали пойманных испанцев. Испанский король Филипп Второй не кривил душой, когда говорил, что над его империей никогда не заходит солнце. Владения Филиппа охватывали половину Европы, три Америки, часть Африки и Азии. Никто в истории человечества не обладал таким царством.

В ту пору Испания находилась на пике своего величия. Буквально купаясь в почти дармовом американском золоте. Владения испанского короля Филиппа Второго были воистину необозримы, и Испанию тех лет можно смело считать первой в истории человечества мировой державой. Чего стоил лишь перечень титулов Филиппа Второго: защитник веры, искоренитель ереси; божьей милостью король Арагона, Кастилии и Леона, король Сардинии и Обеих Сицилий, король Наварры, Гренады, Толедо, Валенсии, Галисии, Майорки, Севильи, Кордовы, Мурсии, Альгравы, Корсиры, Альхесира, Гибралтара, Канарских островов, Ост- и Вест-Индий, островов и земель Моря-Океана, король Португалии, Алжира, Бразилии, островов Азорских и Зеленого Мыса, владелец колониальных факторий Гвинеи, Анголы и Мозамбика, повелитель Адена, Маската, Ормуза, Явы, Молуккских островов, Филиппин и Макао, великий герцог Австрийский, герцог Миланский, Лимбургский, Брабантский, Люксембургский, маркиз Антверпенский, граф Габсбургский, Бургундский, Тирольский, Барселонский, Фландрский, Артуа, Намюрский, Голландский, Зееландский, Зутфенский, сеньор Бискайский, Молинский, Гронингенский, Утрехтский и Фризский, король Иерусалимский...

Педро де Авилес. Гравюра XVI в.

В золотых рудниках Америки ежегодно добывали больше золота, чем его было в Средние века во всей Европе. Флотилии тяжелых галеонов, именуемых «золотыми флотами», везли и везли богатства Нового Света в порт Кадис, все более обогащая и без того фантастически богатый Мадрид. Но в этом богатстве крылась и слабость Испании, которая отныне фактически паразитировала на американском золоте и заморской торговле.

Испанцы зверски расправлялись с теми, кто осмеливался появиться в американских водах и тем более высаживаться на побережье испанской Америки. Когда, к примеру, бежавшие из Франции гугеноты образовали свое небольшое поселение во Флориде, испанский король немедленно направил туда карательный отряд под началом некоего Педро де Авилеса. Все население, включая женщин и детей, было вырезано, причем не потому, что они были французы, а потому, что протестанты.

– То, что Педро де Авилес убил их, – это хорошо! – публично заявил король Испании, узнав о массовом истреблении французских гугенотов.

Надо ли говорить, что протестанты платили католикам-испанцам той же монетой и столь же неистово истребляли их, если предоставлялась такая возможность.

* * *

Что касается нашего героя, то Фрэнсис Дрейк родился в семье фермера на ферме Кроундейл, располагавшейся близ местечка Тейвисток в английском графстве Девон в начале 40-х годов XVI века. Более точная дата его рождения неизвестна. Отдельные историки приводят в качестве предполагаемого года рождения Дрейка 1539, 1541, 1543 или даже начало 1544 года.

Отец нашего героя Эдмунд Дрейк был истовым протестантом, вследствие чего был обвинен в подрыве веры. Когда Фрэнсису исполнилось десять лет, семья была вынуждена покинуть Девоншир и бежать в Плимут. По другой версии, Дрейки бежали из-за политики огораживания, практиковавшейся тогда в Англии и разорявшей крестьян. Во время восстания католиков, поощряемого королевой Марией Тюдор, Дрейки были вынуждены бежать уже из Плимута. На этот раз на судне, капитаном которого был брат Эдмунда Ричард. Теперь Дрейки поселились недалеко от Чэтема.

Жили Дрейки весьма бедно, постоянно ожидая репрессий со стороны католиков. А потому приверженность протестантизму, как и фанатичную ненависть к католикам, Фрэнсис Дрейк пронесет через всю свою жизнь. Семья была большой. Кроме Фрэнсиса было еще одиннадцать детей.

Биограф Ф. Дрейка К. Малаховский: «Фрэнсис Дрейк родился на ферме в Кроундейле, недалеко от Тенвистонна, в Девоншире. Год его рождения неизвестен. Вероятнее всего, это был 1545 г. И вот почему. Ферма принадлежала родителям отца Фрэнсиса – Джону и Мэри Дрейкам. Землю, на которой находилась ферма, они арендовали у сэра Джона Рассела, впоследствии графа Бэдфорда, приближенного Генриха VIII. У Джона и Мэри Дрейков было несколько сыновей. Старший из них, Джон, жил с родителями, и ферма перешла к нему. Младший, Эдмунд, был моряком и вернулся на ферму лишь в 1544 г. Видимо, тогда же он женился, а на следующий год у него родился первенец – Фрэнсис. Несмотря на огромную разницу в социальном положении, семья Дрейков была тесно связана как с семейством Расселов, так и Хокинсов. Старший сын Джона Рассела, Фрэнсис, был крестным отцом сына Эдмунда Дрейка, который получил его имя».

Несмотря на бедность, отец смог кое-чему научить сына. По крайней мере Дрейк умел читать и писать, хотя читал до конца жизни по слогам, а писал безграмотно. Помимо этого впоследствии он уже сам выучился говорить по-французски. Все биографы отмечают, что Дрейк с молодых лет обладал несомненным талантом оратора. Он мог столь красиво и убе-

дительно говорить, что убеждал в своей правоте самых упрямых оппонентов. Впоследствии это очень ему поможет.

В десятилетнем возрасте Фрэнсис был отдан в ученики к шкиперу маленького каботажного суденышка «Юдифь», где учился азам мореходства. Школа эта была весьма суровой. Из свидетельств современника о рядовых буднях мореплавателей того времени: «Не было ни капли воды для омовения лица; спать приходилось в той же одежде, так что она истлевала на теле. Мясо и овощи портились в три дня. Пищу готовили в котлах, кои промывались забортной водой. Мыло было неведомо. Трюмы очищали дымом и уксусом только в конце кампании. Больные лежали на соломе». И это было нормой тогдашней матросской жизни, а ведь зачастую бывало и многим хуже...

В 1558 году после смерти Марии Тюдор к власти приходит королева Елизавета, которая восстанавливает англиканскую церковь. Хокинсы снова помогли Эдмунду, и в январе 1561 года он получает повышение – становится викарием церкви, находившейся в Кенте. В том же году меняется и судьба Фрэнсиса. Умирает владелец судна, на котором плавал Фрэнсис, завещав ему «Юдифь». Так в 16 лет Фрэнсис стал капитаном и владельцем небольшого барка «Юдифь» водоизмещением в 50 тонн.

По другой версии, столь престижное назначение Дрейка состоялось вовсе не из-за любви к нему умирающего шкипера, а потому, что «Юдифь» принадлежала Джону Хокинсу. Вторая версия назначения Дрейка шкипером мне кажется более реальной. Несмотря на то что биографы Дрейка объясняют столь раннее назначение шкипером исключительно талантами будущего знаменитого мореплавателя. Все же, думается, столь серьезное назначение для мальчишки состоялось прежде всего в силу его родственных отношений с семьей Хокинсов. Возможно, что и сам выбор профессии так же состоялся не без участия Хокинсов. Планы у семейства Хокинсов были большие, а потому еще один толковый человек в клане был вовсе не лишним. Английский историк Энтони Н. Райан признает этот факт: «Дрейк сумел выдвинуться благодаря своим способностям и кровному родству с Хокинсами, известной семьей в Плимуте, которая старалась опровергнуть, если понадобится, то силой, претензии испанцев и португальцев на торговую монополию с их колониальными империями».

К моменту возмужания Дрейка плимутские купцы уже всю торговали с Россией, но в Архангельске, куда ходили коллеги Хокинса, все же приходилось торговать уважительно и на равных. Прибыль, разумеется, была, но хотелось большего. А потому взоры плимутских купцов обратились в сторону Вест-Индии. Там было где развернуться! Во-первых, можно было заняться контрабандной продажей товаров, доставкой африканских рабов в испанские колонии, ну, а кроме того, при случае и откровенным разбоем в тех же колониях.

* * *

Сам Джон Хокинс слыл среди коллег весьма предприимчивым человеком, удачно сочетавшим в себе качества купца и пирата. Еще в 1560 году Хокинс появился в Лондоне, где начал убеждать местных банкиров поддержать его работоторговую экспедицию в испанскую Америку. Подобным ремеслом в Англии еще никто не промышлял. Толстосумы сомневались. Хокинс был настойчив:

– Испанские колонисты весьма нуждаются в африканских рабах, а португальцы в Африке сами возить рабов в Америку боятся из-за угроз Мадрида, но всегда готовы продать их посреднику по самой дешевой цене. Отсюда следует простой вывод: и португальцы в Африке, и испанские колонисты в Америке будут счастливы появлению любого судна, которое возьмется доставлять дешевых рабов на плантации. Не сегодня, так завтра этим займутся французы, так стоит ли нам отдавать им то, что может стать нашим?

Последний аргумент был весьма убедителен, и «денежные мешки» решили рискнуть. Любопытно, что деньги в торговлю черными ртами вложили глава Московской торговой компании сэр Лионель Дакетт и лорд-мэр Лондона сэр Томас Лодж.

Уже осенью 1562 года три судна под началом Хокинса взяли курс к берегам Гвинеи. Начинаящий работорговец быстро сговорился с португальскими работорговцами и, набив трюмы четырьмя сотнями рабов, взял курс к далекой Эспаньоле. Впрочем, португальцы тоже были не промах и на всякий случай (если про нелегальный сбыт негров прознают испанцы) объявили, что Хокинс захватил шесть их судов, которые везли невольников и слоновую кость.

На Эспаньоле повторился тот же цирк. Хокинс, прибыв к местному губернатору Лоренцо Берналдесу, заявил:

– Желаю продать негров!

Губернатор ответил, что должен был ответить в силу своей должности:

– Согласно приказу Его Величества короля Испании, я не имеет права покупать ваших негров!

После сего ритуального действия Хокинс высадил на берег матросов. Под пальбу холостых пушек те вошли в город, а местные жители столь же спокойно из него вышли. Ближе к ночи в город вернулись торговцы и без посторонних совершили сделку. После чего Хокинс покинул Эспаньолу. Обе стороны остались довольны и сделкой, и теми мерами безопасности, которыми она была обставлена. Возвращение Хокинса в Англию было триумфальным. Каждый из членов «синдиката» получил хорошую прибыль, а сам Хокинс купил большой дом в престижном Сити, неподалеку от Тауэра. Кроме этого по ходатайству графа Лейстера (которое, думается, было весьма небескорыстным!) королева Елизавета даровала Хокинсу дворянство. На его гербе отныне красовалась... фигура связанного черного раба. Сегодня на обладателя такого герба смотрели бы как на преступника или сумасшедшего, но тогда таким гербом гордились!

Ободренный первым успехом, Хокинс начал готовить следующую экспедицию. Однако испанский посол в Лондоне, узнав об этих намерениях, заявил резкий протест английской короне. И снова начались игры. Хокинса призвали в адмиралтейство. Там был разыгран спектакль для испанского посла. Вначале лорды адмиралтейства немного пошумели на мореплавателя.

– Клянусь своей честью, что не буду нынче плавать к берегам Вест-Индии! – заявил на это смиренно Хокинс и был немедленно отпущен на все четыре стороны.

Любопытно, что слово свое он формально сдержал. Когда в ноябре 1566 года его флотилия вышла в море, ею командовал помощник Хокинса Джон Лоувелл. Эта экспедиция для нас интересна прежде всего тем, что в ней участвовал и получил боевое крещение Фрэнсис Дрейк.

Историк К. Малаховский так пишет об этой экспедиции и о роли в ней нашего героя: «Когда Фрэнсис узнал о готовящейся Хокинсом новой экспедиции в Карибское море, он, не колеблясь, предложил ему свои услуги. Положение Фрэнсиса в экспедиции Лоувелла неизвестно. Ясно, что он не был ни капитаном, ни владельцем какого-либо из судов, участвовавших в этом плавании. Данные о том, как проходила первая половина плавания, можно найти только в португальских источниках. Согласно этим сведениям, Лоувелл на пути к берегам Гвинеи захватил пять португальских кораблей, на которых находились негры, а также груз воска и слоновой кости. Один из кораблей с захваченным грузом Лоувелл отправил в Англию, а с остальными четырьмя направился к берегам испанской Америки. В Карибском море Лоувелл встретил французскую эскадру, которой командовал известный корсар Жан Бонтемпе. Дальше английские и французские корабли продолжали плавание вместе. В Рио-де-ла-Хача, небольшом поселении на побережье Колумбии, Лоувелл предложил испанцам

купить привезенных рабов. О том, что за этим последовало, мы узнаем из отчета главы местной администрации Мигуэло де Кастелланоса испанскому королю Филиппу. Кастелланос сообщал о победе, которую испанцы в этом маленьком городке одержали над двумя корсарскими армадами: одной французской, а другой английской. Победа была одержана силами 60 местных жителей, неопытных в военном деле и плохо вооруженных. Этот необыкновенный успех Кастелланос объяснял исключительно Божьей помощью и «умением нашего капитан-генерала», который доводился Кастелланосу родным братом. При поспешном бегстве Лоувелл якобы оставил на берегу негров. Кастелланос спрашивал короля, можно ли распределить этих негров среди населения города, которое заслужило это своей храбростью. Хокинс также объявил о неудаче экспедиции Лоувелла, объяснив это «простоватостью моих заместителей, которые не знали, как делаются подобные дела».

На самом деле и на этот раз англичане с испанцами и французами разыграли очередной спектакль, причем спектакль в несколько действий, где присутствовала и имитация захвата португальских судов, и имитация боя храбрых колонистов с коварными пиратами, и «хеппи-энд» с блестящей победой и «случайно» забытыми на берегу неграми. Что и говорить, Джон Хокинс был не только прекрасным купцом, но и талантливым режиссером!

Когда Лоувелл вернулся в Плимут, неутомимый Хокинс уже заканчивал подготовку к новой экспедиции. Новое предприятие обещало быть фантастически прибыльным. Дело в том, что в Лондоне Хокинс встретился с некими португальцами Антониу Луишом и Андре Гомемом, которые доверительно сообщили Хокинсу:

– Нам известен еще не захваченный португальцами район Африки, где имеются богатейшие месторождения золота.

– Но как туда добраться? – сразу насторожился дядя Дрейка.

– Мы покажем туда дорогу!

Надо ли говорить, что Хокинс тут же оповестил о такой новости в адмиралтействе. Вскоре новость дошла и до ушей королевы. Разумеется, что организацию экспедиции поручили именно Хокинсу.

Деньги на нее весьма быстро дали торговцы Сити. Свой взнос сделал лорд адмиралтейства Винтер. Что касается королевы Елизаветы, то она выделила два боевых корабля и велела укомплектовать эскадру пушками из королевского арсенала. Разумеется, что тем самым королева приобретала и свою долю в будущей добыче. Сам Хокинс включил в отправляющуюся флотилию четыре своих собственных судна.

Но и испанцы уже не дремали. Едва до испанского посла де Сильва дошли слухи о новой затеваемой пакости Хокинса, он немедленно оповестил Мадрид.

К Плимуту была направлена испанская эскадра. Помимо этого де Сильва заявил ноту английской королеве.

– Хокинс ведет свои суда для ремонта, – не моргнув, соврала королева. – Я же готова принять вашу эскадру в Плимуте со всей английской любезностью!

Тем временем, испугавшись мести испанцев, исчезли португальцы Луиш и Гомем. Надо было что-то срочно предпринимать, и Хокинс предложил королеве новый план:

– Черт с ними, с неведомыми золотоносными землями. Я предлагаю еще раз продать негров в Вест-Индию. За успех отвечаю головой!

Разумеется, что план Хокинса Елизавета приняла без всяких раздумий.

Свой флаг Хокинс поднял на подаренном королевой 64-пушечном корабле с весьма необычным названием «Джизес-оф-Любек» (что значит «Иисус из Любека»). Любопытно, что, несмотря на коммерческий и частный характер экспедиции, флагман Хокинса был выкрашен в цвета британского королевского флота – зелено-белый.

2 октября 1567 года флотилия в шесть выпелов во главе с «Джизес-оф-Любек» оставила за кормой Плимут. Помимо него в состав флотилии входили суда: «Миньон», «Уильям и

Джон», «Ласточка», «Ангел» и «Юдифь». Последним, самым маленьким, командовал Фрэнсис Дрейк. При этом он же являлся и владельцем суденышка. После своего возвращения из прошлого плавания Дрейк не пробыл в Англии и пары месяцев. Впрочем, уходя на этот раз в море, он оставил на берегу невесту. Но он успел за это время познакомиться с девушкой и принять твердое решение после возвращения из плавания жениться на ней. Позади у Дрейка остались годы юности и становления как моряка. Теперь наступила пора возмужания.

Глава вторая. Крещение огнем

В ноябре корабли Хокинса подошли к африканским берегам. Но на этом удача оставила предприимчивого англичанина. Негров захватить не удалось, кроме этого вылазки на берег заканчивались серьезными потерями. Самого Хокинса ранили отравленной стрелой, и он едва остался жив.

Единственно, что удалось, – захватить зазевавшуюся португальскую каравеллу.

После этого Хокинс повернул к Гвинее попытать счастья там. Там дела действительно пошли получше. Удалось договориться с одним из местных вождей. Тот навел англичан на соседнее племя, вследствие чего удалось захватить две с половиной сотни рабов. Помимо этого вождь дал Хокинсу еще две с лишним сотни своих соплеменников. Это уже была удача.

Спустя два месяца флотилия Хокинса подошла к Доминике. Двигаясь вдоль гряды Антильских островов, Хокинс распродал рабов мелкими партиями.

В Кюрасао флотилия разделилась, чтобы быстрее распродать черный товар. Хокинс разделил свою эскадру. «Юдифь» и «Ангел» под началом Дрейка взяли курс на Рио-де-ла-Хача. С тамошним губернатором Каstellланосом англичане уже имели дело в прошлый раз и там. Никаких неожиданностей вроде бы не предвиделось. Сам Хокинс с остальной частью флотилии направился к Новой Андалузии. Прибыв к столице провинции Борбурате, Хокинс направил испанскому губернатору письмо, но торг не состоялся. Губернатор получил строжайшие инструкции гнать англичан вшаей и нарушить их боялся. Расстроенный Хокинс поспешил вслед за судами Дрейка.

А у племянника к этому времени дела шли хуже некуда. Выполняя поручение Хокинса, Дрейк вовремя прибыл в Рио-де-ла-Хача и обратился к Каstellланосу за разрешением набрать пресной воды. Это был понятный всем пролог переговоров о продаже негров. Но Каstellланос, как и его коллега, на этот раз был настроен весьма решительно и тут же начал палить по судам Дрейка с береговых фортов. Удивленный Дрейк отошел на безопасное расстояние, бросил якорь и стал ждать прихода дядюшки.

Прибыв, Хокинс тут же прямо предложил губернатору купить у него рабов. Тот отказался. Тогда Хокинс высадил на берег двести солдат и начал обстреливать город. Переговоры возобновились, и Каstellланос после некоторых раздумий согласился купить 60 рабов. Впрочем, в ходе торга Хокинс сумел продать их более полутора сотен. Оправдываясь перед королем, Каstellланос написал, что вынужден был заплатить 4 тысячи песо англичанам, чтобы те не сожгли город, а заодно выкупил захваченных ими соотечественников.

Продолжая свой торговый вояж, Хокинс обошел еще несколько испанских портов, где удачно распродал оставшихся негров.

Осечка вышла лишь в Картахене, где губернатор отказался вести всякие переговоры. Хокинс прибег было к проверенной методе – бомбардировке холостыми зарядами. Но испанцы ответили ядрами. Дело принимало нешуточный оборот. Высадить десант Хокинс не решился, так как местный гарнизон был серьезным.

24 июля Хокинс оставил за кормой негостеприимную Картахену.

– Мы берем курс на норд-вест к берегам Кубы. А затем, обогнув остров, проскочим мимо Флориды в Атлантику! – объявил он своим капитанам.

Наверное, на этом все перипетии этого плавания бы и закончились, если бы не сильный шторм, который серьезно потрепал суда флотилии.

Теперь, прежде чем пересекать океан, надо было где-то подремонтироваться. Пока же Хокинс искал удобную бухту, снова налетел шторм, который еще больше повредил суда. Что касается «Иисуса из Любека», тот держался на воде каким-то чудом. Было ясно, что еще одного шторма флотилия не выдержит.

– Может, лучше снять с «Иисуса» людей и груз, а самого затопить, пока не поздно? – высказал свое мнение Дрейк.

– Будь это обычное судно, то я бы и бросил его на поживу морским ведьмам! – ругался Хокинс, выхаживая по шканцам своего тонущего флагмана. – Но «Иисус» – собственность короны, и что я скажу Ее Величеству, когда она узнает, что из всех судов флотилии я утопил именно ее корабль?

Именно в это время Хокинс встретил три небольших каботажных испанца. Приглашенные «на стаканчик горячительного», их капитаны посочувствовали англичанам и дали добрый совет:

– У вас хороший корабль, и будет большим грехом, если вы его отправите на дно! Не лучше ли будет зайти в порт Сан-Хуан-де-Улоа, где есть хорошие мастера.

– Что это за порт? – насторожился Хокинс.

– Всего в 15 милях к зюйду от Вера-Круса.

Когда же после нескольких стаканов языки развязались еще больше, капитаны действительно сообщили:

– В Сан-Хуан-де-Улоа живут весьма небедные люди, ведь именно оттуда вывозилось в Испанию серебро, что с рудников Мексики. Кстати, вы и сами сможете в этом убедиться, ведь скоро туда должен подойти из Севильи конвой за серебром.

– Как интересно! – кивал головой Хокинс, подливая своим разговорчивым гостям еще и еще.

Из дальнейших расспросов выяснилось еще много интересных деталей.

Затем Хокинс собрал совет. Решали, как быть дальше. Большинство высказались за атаку Сан-Хуан-де-Улоа. Сам Хокинс сомневался.

– Суда, перевозящие серебро, усиленно охраняются, – рассуждал он. – Испанцы говорят, что у капитан-генерала вест-индской торговли Менендес де Авилеса может быть до десятка вооруженных галионов сопровождения.

Наконец после долгих обсуждений Хокинс ударил кулаком по столешнице:

– И все же я решаю рискнуть! Надеюсь на вашу храбрость и свою счастливую звезду!

* * *

15 сентября 1568 года флотилия Хокинса вошла в Сан-Хуан-де-Улоа. Съехав на берег, Хокинс вступил в переговоры с местным губернатором.

– Я имею лишь самые добрые намерения и не собираюсь отбирать сокровища, подготовленные для отправки в Испанию, – заявил английский командующий. – Я прошу лишь разрешить починить свои суда и пополнить запасы воды.

Губернатор оказался в щекотливом положении. С одной стороны, между державами не было войны и отказать в гостеприимстве он не мог. С другой же стороны, при наличии в порту огромного количества серебра английские пираты были совершенно некстати.

– Вопрос слишком сложен, и решить его может лишь вице-король! – объявил в конце концов губернатор.

Делать нечего, и Хокинс отписал письмо вице-королю Мексики: «Будучи подданным британской королевы, любящей сестры короля Филиппа, я надеюсь на покровительство вице-короля в случае прихода в порт испанского флота». При этом хитрый Хокинс подстраховался, высадив небольшой отряд на одном из островов залива, и установил там пуки. Теперь оставалось лишь ждать ответа.

А через двое суток появился и золотой конвой в тринадцать вымпелов во главе с королевским галеоном под флагом опытного Франциско де Луксана. Помимо этого на борту флагманского галеона находился новый вице-король Мексики Мартин Энрикес.

Увидев на входе в гавань англичан и разобравшись, что им надо, дон Мартин велел передать Хокинсу:

– Если вы беспрепятственно впустите мои корабли во внутреннюю часть гавани, я гарантирую вам свободный выход из нее.

– Ага, так я тебе и поверил!

Осторожный Хокинс передал вице-королю свой ответ:

– Во-первых, мне должна быть дана возможность купить продукты на берегу на деньги, которые я выручил от продажи находящихся у меня рабов. Во-вторых, мне будет дана возможность произвести ремонт судов. В-третьих, высаженные на острове английские солдаты должны находиться там до ухода моих судов как гарантия безопасности. И наконец, в-четвертых, для еще большей гарантии мы обменяемся дюжиной заложников.

Дон Мартин, которому передали требования Хокинса, был крайне возмущен:

– Какой-то проходимец и пират не верит вице-королю под его честное слово! Это просто возмутительно!

Передайте вашему предводителю, что если он не уступит, то я со своим флотом и тысячей солдат войду в гавань с боем!

Снова к «Иисусу» помчалась шлюпка под переговорным флагом.

Выслушав испанского посланца, Хокинс лишь хмыкнул, а затем велел передать:

– Если он вице-король, то я представляю здесь мою королеву, и, таким образом, я такой же вице-король, как и он, и если у него есть тысяча человек, то это лишь хорошая цель для моих пуль и ядер!

Минуло три дня, между тем никакого соглашения достигнуто так и не было. Наконец 20 сентября вице-король велел передать:

– Я принимаю все ваши условия!

На английских судах вздохнули с облегчением.

– Кажется, дело сдвинулось! – радовался вместе со всеми Дрейк, которому, как никому другому, хотелось побыстрее добраться до дома, где его ждала молодая невеста.

Хокинс прибыл на борт испанского флагмана, где подписал соглашение и произвел обмен заложниками. Под залпы салюта испанский флот вошел в гавань. При этом испанские суда бросили якоря совсем рядом от английских. Ближе всех к испанцам оказался «Миньон». Капитаны испанских кораблей были весьма учтивы, но Хокинс все равно им не доверял. И, как оказалось, не зря! В это время вице-король уже приказал губернатору стянуть к набережной все наличные военные силы.

Минуло еще двое суток. Скопление на берегу испанских латников не ускользнуло от Хокинса. А затем между испанским судном и «Миньоном» неожиданно встало испанское судно, буквально переполненное солдатами. При этом «Миньон» с испанцем практически касались бортами. Положение осложнялось еще и тем, что к этому времени много англичан сошли на берег для закупки продовольствия и материалов для починки судов. При этом хозяева портовых кабаков проявили дотоле небывалое гостеприимство и буквально спаивали «дорогих гостей».

Встревоженный Хокинс послал протест вице-королю. Получив его, дон Мартин лишь поморщился:

– Передайте вашему Хокинсу, что я дал команду прекратить все перемещения по гавани. Пусть он успокоится.

Высокий дон нагло врал, так как к этому времени уже заканчивал последние приготовления к захвату английской флотилии.

На это Хокинс шлет второй протест, с которым посылает своего помощника Роберта Барретта.

– Этот англичанин не так-то прост, как кажется! – пришел в ярость вице-король, выслушав претензии Барретта. – Эта продувная бестия догадалась о моих планах! Настало время для решительных действий!

Отчаянно сопротивлявшегося Барретта тут же заковали в кандалы. Сам же дон Мартин поднялся на шканцы и взмахнул белым шелковым платком. Это был сигнал к захвату англичан. Мгновенно затрубили трубы, и давно ждавшие этой минуты испанские солдаты перепрыгнули на борт «Миньона». Поняв, что он обманут, Хокинс тоже начал действовать.

– Всем солдатам и матросам с «Иисуса» следовать на «Миньон»! – распорядился он.

Все суда располагались близко друг от друга, и Хокинс надеялся, что общими усилиями все же успеет отбить атаку испанцев.

А чтобы испанцам жизнь раем не казалась, «подвернув бортом, «Иисус» дал бортовой залп по испанскому младшему флагману. При этом одно из ядер попало в открытую крьюйт-камеру, раздался оглушительный взрыв. Испанский корабль взлетел на воздух, погребя с собой более трехсот человек. Не ожидавшие такого поворота испанцы бросили почти обреченный «Миньон» и бежали.

После этого уже начался общий бой, в который постепенно втянулись все стоявшие в гавани суда. Маленькие размеры гавани и огромная скученность двух десятков судов делали сражение взаимоистребительным. Впрочем, через некоторое время все заволокло клубами порохового дыма, и разобрать, где свой, где чужой, никто не мог.

Наверное, Хокинсу в тот день и удалось бы удержать верх, но в это время испанские войска захватили контролировавший вход в гавань островок и находившиеся там пушки, которые немедленно открыли огонь. Теперь флотилию Хокинса избивали со всех сторон.

Англичане дрались отчаянно, но силы были теперь уже слишком неравны. Вскоре одно за другим были уничтожены «Ангел» и «Ласточка». А горящий «Божье благословение» его капитан Бланд направил в сторону испанских судов, чтобы использовать хотя бы как брандер. Впрочем, и испанцы несли потери, потеряв в этой неистовой бойне четыре своих судна.

Что касается Хокинса, то он командовал боем с полным хладнокровием. Когда стало совсем неважно от испанских ядер, он позвал стюарда:

– Принеси-ка мне холодного эля, а то что-то становится жарковато!

Выпив пива из серебряного кубка, Хокинс поставил его на фальшборт. Мгновение спустя кубок был снесен очередным ядром.

– Вот негодяи! Это же был мой самый любимый! – лишь буркнул английский предводитель.

Обернувшись к изумленным увиденным артиллеристам, он крикнул:

– Эй, ребята! Теперь вам нечего бояться! Бог, который спас меня от этого выстрела, избавит нас от испанских предателей и негодяев!

Когда вскоре «Иисус из Любека» начал тонуть, Хокинс приказал «Юдифи» и «Миньону» подойти к нему. Первым подошел к флагману и ошвартовался с ним борт в борт Фрэнсис Дрейк. Несмотря на творившийся вокруг ад, Хокинсу удалось не только забрать людей, но даже перегрузить часть находившегося в трюмах товара.

Однако три сцепившихся судна были столь лакомой добычей, что дон Мартин просто не мог отказать себе в удовольствии атаковать их брандером. И вскоре к трем английским судам устремились сразу две горящие лайбы. Вид приближающихся «ангелов смерти» вызвал у матросов панику. Время шло на какие-то минуты. Понимая, что «Иисус» уже обречен, Хокинс приказал рубить швартовые на «Юдифи» и «Миньоне».

– Бросаем флагман и прорываемся в море! – кричал он капитанам.

Сам Хокинс перепрыгнул на борт «Миньона» последним.

* * *

В сутолоке боя и в дыму обоим английским судам удалось вырваться из западни Сан-Хуан-де-Улоа. Однако до Англии они добрались раздельно, потеряв друг друга в штормовом океане.

20 января 1569 года «Юдифь» бросила якорь в Плимуте. Судно было в относительно неплохом состоянии, на борту находились 65 человек. Впрочем, на Дрейка выпала не слишком приятная участь отправиться в Лондон и донести королеве о несчастье. Однако, к его удивлению, Елизавета пропустила мимо ушей его рассказ о разгроме и заметно повеселела, когда Дрейк передал ей письмо от Хокинса. Последнее было еще более удивительно, так как Хокинс просил Елизавету возместить понесенные экспедицией большие убытки из средств, полученных от конфискации испанской собственности в стране. О причине столь странного на первый взгляд поведения королевы Дрейк узнает несколько позднее.

Что касается «Миньона», то его возвращение было весьма тяжелым. В силу сложившихся обстоятельств судно оказалось переполнено людьми при почти полном отсутствии продовольствия. Было очевидно, что всех ждет голодная смерть. Поэтому более сотни человек были добровольно оставлены на испанском берегу.

Хокинс поклялся им самой страшной клятвой, что, как только вернется в Плимут, сразу же вышлет за ними судно.

Однако все сложилось иначе, и клятвы своей Хокинс не сдержал. Судьба оставшихся сложилась трагически. Все они за исключением двоих погибли в руках испанской инквизиции.

Несмотря на то что на судне осталась лишь половина команды, на «Миньоне» вскоре начался голод. Вначале англичане съели кошек, потом переловили крыс, наконец настала очередь и любимого Хокинсом попугая. После этого пошли в ход уже кожаные ремни и башмаки. Люди умирали десятками. Голод, цинга и начавшаяся на борту чума почти опустошили «Миньон». Моряков спасло лишь то, что их прибило штормовыми ветрами к испанскому порту Виго и случайно оказавшиеся там английские суда помогли Хокинсу продовольствием. Там же он пополнил и поредевшую команду. Спустя четыре месяца после оставления Сан-Хуан-де-Улоа тяжелобольной Хокинс все же привел «Миньон» в Плимут.

Возможно, что именно тогда, вернувшись домой, молодой Фрэнсис Дрейк и поклялся всю оставшуюся жизнь мстить испанцам за их коварство, а вице-король дон Мартин Энрикес стал отныне его личным врагом. Их пути в свое время еще не раз пересекутся.

До сих пор английские историки не имеют общего мнения относительно поведения Фрэнсиса Дрейка во время возвращения домой. Одни считают, что он смалодушничал и бросил в трудный момент своего начальника на более поврежденном судне, предпочтя спастись самому. При этом приверженцы данной точки зрения ссылаются на фразу Хокинса из его отчета о плавании: «Юдифь» бросила нас в нашем несчастье». Впрочем, другие историки, которые защищают Дрейка и оправдывают его поведение, ссылаются все на тот же отчет, где тот же Хокинс начертил своей рукой, что Дрейку было приказано подойти к «Миньону» и «забрать людей и необходимые вещи, и он это сделал».

Скорее всего, Дрейк действовал вполне достойно. Ну а фраза о «бросившей в несчастье «Юдифь»» появилась вследствие того стрессового состояния, в котором находился Хокинс, когда писал свой отчет о плавании.

В пользу этого говорит и итоговый доклад адмиралтейства по расследованию обстоятельств событий Сан-Хуан-де-Улоа, где Дрейку не было предъявлено никаких претензий. Что касается самого Хокинса, то когда он пришел в себя от пережитого, то его добрые и

партнерские отношения с Дрейком восстановились и они оставались друзьями всю оставшуюся жизнь.

Говорят еще и то, что сам Хокинс всю оставшуюся жизнь терзался муками совести, что не сдержал данного им слова и не смог спасти своих оставшихся на берегу товарищей.

Но почему разгром эскадры Хокинса несколько не расстроил Елизавету Первую? Как оказалось, пока Хокинс с Дрейком находились в плавании, испанский король Филипп Второй решил наказать непокорные Нидерланды и послал туда своего верного и кровожадного герцога Альбу. Войско состояло из ландскнехтов-наемников, которые требовали немалых денег. Эти деньги для безопасности было решено перевезти морем. Но по пути на испанцев напали французские корсары, и те едва успели укрыться в английских портах. После этого испанцы обратились к Елизавете с просьбой обеспечить охрану испанским транспортом, так как англичан французы побаивались. Надо оговориться, что все перевозимое золото было взято испанским королем взаймы у некоего генуэзского банкира Спинолы. И надо же было такому случиться, что Спинола именно в этот момент получает известие, что экспедиция Хокинса провалилась и сам он убит. Так как Хокинс был личностью весьма известной, Елизавета должна была отреагировать на его смерть. Демарш мог вылиться в войну между Англией и Испанией, а это значило, что англичане просто-напросто заберут себе все деньги банкира. Спинола решает спасти свои капиталы и ставит на англичан. Он пишет письмо английскому адмиралу Винтеру, что деньги пока все еще являются его, а не испанской собственностью и он готов вступить с английскими властями в переговоры. К интриге подключается и брат Джона Хокинса Уильям. Поплавав о тяжелой судьбине любимого братца, он решает все же подзаработать на его смерти. По просьбе безутешного Хокинса государственный секретарь Сесил тут же наложил секвестр на испанские деньги, и они были перевезены в Тауэр.

Джон Хокинс. Неизвестный художник

В ответ разъяренный герцог Альба накладывает эмбарго на собственность британцев в Голландии. Узнав об этом, королева Елизавета наложила эмбарго на всю испанскую собственность в Англии и бросила в тюрьму испанского посла.

Именно в этот момент, когда война, казалось, была уже неизбежна, и появился Дрейк со своим письмом от Хокинса, а потом и сам старик Джон, изрядно оголодавший, но живой и здоровый.

– Так это ж меняет все дело! – ударил себя по ляжкам Бенья Спинола, и все завертелось в обратном направлении.

Вскоре Лондон и Мадрид решили все полюбовно – Елизавета взяла на себя долг Филиппа генуэзским банкирам, а Филипп решил впредь посылать деньги для армии Альбы только сухопутным путем.

Что касается Дрейка, то он, вопреки своим опасениям, произвел на королеву самое благоприятное впечатление.

Глава третья. Дракон расправляет крылья

По всей Англии злоключения Хокинса и Дрейка вызвали негодование. Нетерпеливые даже требовали объявления войны. Надо ли говорить, что и Хокинс, и Дрейк, да и все оставшиеся в живых участники трагического плавания горели желанием поквитаться с коварными испанцами. Как здесь не вспомнить бессмертную фразу Шарля де Костера: «Пепел Клааса стучит в мое сердце!» Наверное, так мог сказать и Фрэнсис Дрейк, что пепел Сан-Хуан-де-Улоа стучит в его грудь и требует отмщения. Английский историк Энтони Н. Райан так пишет о значении боевого крещения Фрэнсиса Дрейка: «Обломками Сан-Хуан-де-Улоа Дрейк вымостил себе путь к званию командующего в неофициальной войне против Испании».

Что касается хитрейшего из хитрых Джона Хокинса, то его месть испанцам была изощренной. Внезапно для всех старый разбойник проникся любовью к испанской короне. Да какой!

– Желаю охранять подступы к испанской Америке от судов всех европейских наций! – заявил он испанскому послу Гуэро де Спес.

– А если это будут английские суда? – поинтересовался осторожный де Спес.

– Я привык честно исполнять свой долг! – многозначительно ответил Хокинс.

Посол чесал затылок. Под своей дланью старый разбойник имел 16 выпелов и пять сотен головорезов, которые могли стать надежным щитом для любителей чухой поживы.

– Ну, а что вы хотите взамен? – после некоторого раздумья спросил посол.

– Сущую безделицу! Участие в доле вест-индской торговли, привилегии в сравнении с другими купцами. Ну а если вы еще освободите моих матросов из своих тюрем, то моя благодарность вообще не будет иметь границ.

Откланявшись неожиданному визитеру, Гуэро де Спес начал наводить справки на Хокинса и, к своему удивлению, выяснил, что тот состоит в заговоре свержения своей королевы. Это сразу меняло для посла все дело, ведь Мадрид мечтал увидеть на английском престоле свою ставленницу Марию Стюарт. А когда на следующей встрече и сам Хокинс признался, что состоит в заговоре и готов сообщать испанскому послу обо всех делах заговорщиков, никаких сомнений в его искренности уже не оставалось. Довольный столь ценным приобретением, король Филипп даже выплатил Хокинсу за Сан-Хуан-де-Улоа 40 тысяч фунтов стерлингов и дал, так сказать, авансом патент... на звание испанского гранда.

К концу августа 1571 года все оставшиеся в живых к этому времени матросы Хокинса были освобождены и отправлены в Англию. Довольный де Спес решает привлечь заговорщиков Хокинса к своему, уже настоящему заговору против английской королевы. Между тем, информируя посла о своем мнимом заговоре, хитрый Хокинс одновременно информировал о наличии настоящего заговора Елизавету. Надо ли говорить, что вскоре заговор был раскрыт, его участники лишились голов, а де Спес был выдворен из Англии. Самое удивительное, что он так и не узнал, кому обязан столь сокрушительным провалом.

По справедливому замечанию одного историка, интрига Хокинса напоминает главу из «Монте-Кристо». В результате ее Филипп, кругом околпаченный, за хорошо живешь выдал Хокинсу патент на звание испанского пэра, освободил его матросов, дав каждому по десять дукатов на дорогу, да еще выплатил на приведение флота добровольцев в порядок сорок тысяч фунтов стерлингов...

Что касается Дрейка, то он был не настолько изворотлив и хитер, как его старший товарищ, а потому Дрейк заявил просто:

– Я объявляю испанского монарха своим личным врагом и бросаю ему в лицо свою перчатку!

– Как же ты собираешься с ним драться? – спросили его.

– Я нанесу Филиппу удар там, где он его меньше всего ожидает. Я вломлюсь в его сокровищницу! Сан-Хуан-де-Улоа меня многому научил. Но я знаю, что ежегодно все драгоценности из Перу доставляются на тихоокеанское побережье Панамы, а оттуда уже на мулах перевозятся в Номбре-де-Диос, что на побережье Атлантики. За этим золотом всегда приходит испанский флот в 70 вымпелов из Севильи.

– Не думаешь ли ты бросить вызов всему испанскому флоту? – переглянулись друзья.

– Нисколько! Я просто надеюсь упредить донов из Севильи. Впрочем, у меня еще есть неотложные дела в Плимуте.

Еще до Сан-Хуан-де-Улоа Фрэнсис присмотрел хорошенькую семнадцатилетнюю дочку местного шкипера Гарри Ньюмена по имени Мэри. 4 июля 1569 года он женился на ней. Было нашему герою в ту пору 25 лет – возраст по тем временам весьма солидный.

Уже через несколько дней после свадьбы Дрейк ушел в море. Об этом плавании историкам практически ничего неизвестно, так оно было засекречено. Фрэнсис бороздил Карибское море, изучая подходы к Панаме.

В следующем году Дрейк снова уходит в море на утлом 30-тонном суденышке «Лебедь». Это снова была всего лишь разведка.

На этот раз на побережье Панамы Дрейк нашел удобную и защищенную от ветров бухту. Над берегом кружили стаи птиц.

– Нарекаю эту бухту Портом Фазанов! – решил Фрэнсис.

Берег очистили от зарослей, а в ямах спрятали запас продуктов.

– Подготовку я закончил, и теперь пора браться за дело! – объявил Дрейк, вернувшись в Плимут.

В мае 1572 года Дрейк на судах «Паша» и «Лебедь» оставил за кормой Плимут. С собой он взял и двух младших братьев – Джона и Джозефа. Задуманное Дрейком было настолько дерзко, что с уходившими в море прощались как с покойниками. Более всех рыдала несчастная Мэри Дрейк.

Свой флаг Дрейк поднял на «Паше», а на «Лебеде» – средний брат Джон. Суда были загружены под завязку и продовольствием, и порохом.

Помимо всего прочего, на «Паше» разместили разобранные галеры-пинасы.

Достигнув Доминики, Дрейк встал на якорь у скалистого необитаемого островка. Там налились водой, перевели дух. Затем суда достигли Порта Фазанов.

Там его ждал неприятный сюрприз. На одном из деревьев он нашел металлическую табличку с нацарапанной надписью: «Капитан Дрейк. Если судьба приведет вас в этот порт, немедленно уходите! Испанцы обнаружили это место и взяли все, что вы здесь оставили. Я уйду отсюда сегодня, 7 июля 1572 г. Любящий вас друг Джон Гарретт».

– Это старина Гарретт из Плимута! – ошарашенно воскликнул Дрейк. – И он был здесь всего каких-то пять суток назад!

Матросы заволновались:

– А не лучше ли нам по-доброму смыться, пока не поздно!

– Бегать от испанцев не в моих правилах! – ответил капитан. – Да и другой столь удобной бухты у нас нет, а без хорошей бухты вся наша затея не стоит и затертого пенса!

Чтобы избежать внезапного нападения с моря, суда расположили бортами к выходу из бухты, а пушки зарядили. Одновременно на берегу начали строить небольшой форт, вокруг которого расчистили лес, собрали галеры-пинасы.

А на следующий день в гавань неожиданно вошло... английское судно с двумя захваченными испанскими призами.

– Хозяин Эдвард Хорен, капитан Джеймс Ренс! – недовольно констатировал Дрейк, оглядев нежданного гостя в подзорную трубу. – Это не тайная бухта, а проходной двор!

Как оказалось, бухту Ренсу показали матросы, плававшие ранее с Дрейком. Впрочем, три десятка опытных матросов были далеко не лишними, и Дрейк взял конкурента в долю.

Вскоре вся флотилия покинула Порт Фазанов и двинулась вдоль побережья Панамы. У трех небольших островов, покрытых лесом, встретили два испанских судна с командой из негров.

– Откуда вы?

– Из Номбре-де-Диоса!

– Какие у вас новости?

– У нас тревожно, жители обратились к губернатору Панамы, чтобы прислал солдат.

– Они узнали о моем прибытии! – подбоченился Дрейк.

– Вовсе нет, просто на город напали беглые рабы-мароны.

После этого словоохотливые негры рассказали Дрейку еще немало интересного и полезного о своем городе. Негров Дрейк отпустил, после чего оставил суда на попечение Ренса, а сам с семьёю десятками матросов на пинасах направился к Номбре-де-Диосу.

Недалеко от города он высадил десант, который должен был атаковать испанский порт со стороны берега. Англичане были вооружены мушкетами, а примкнувшие к ним беглые рабы – луками.

– Парни! Испанцы видят десятый сон и город у ваших ног! – сказал Дрейк матросам. – Осталось лишь протянуть к нему руку и сорвать куш!

Сам он с частью команды на пинасах, дождавшись ночи, вошел в гавань. Стали на якорь.

В три часа утра Дрейк начал атаку Номбре-де-Диоса. Как раз в это время в бухту заходило испанское судно, капитан которого, увидев незнакомые галеры, почуял неладное. Но было уже поздно. Дрейк захватил береговую батарею. Правда, убежавший часовой поднял шум. Гарнизон пытался было атаковать незваных пришельцев, но тут же сам был атакован в спину зашедшим с тыла английским десантом.

После этого испанцы разбежались. Их не преследовали, было не до этого. Дрейк кинулся к дому местного губернатора – там хранилось привозимое для отправки серебро с рудников.

– А черт! – воскликнул Фрэнсис. – А где же золото и бриллианты?

Схваченный за шиворот дворецкий тут же сообщил, что главные сокровища находятся в казначейском доме на берегу бухты.

– Скорее на берег! – крикнул Дрейк, понимая, что испанцы скоро опомнятся и начнется нешуточная свалка.

Да и на самом деле надо было спешить. Дело в том, что как раз накануне в город прибыли полторы сотни солдат для усиления гарнизона от нападений маронов, и дюжина оставленных у галер матросов не могла оказать им серьезного сопротивления, ну а потеря галер значила полный крах всей экспедиции.

В это время нехотая грянул тропический ливень, от которого мгновенно намок порох. Люди Дрейка начали роптать:

– Идти с голыми руками на испанцев – это не для нас! Надо валить обратно!

Видя это, Дрейк закричал:

– Валите куда хотите, а я иду в сокровищницу мира, чтобы стать богачом!

Это произвело впечатление, к тому же закончился и ливень. Впрочем, неприятности на этом не закончились. Едва Дрейк навел порядок и двинулся во главе колонны к казначейскому дому, как был ранен в ногу стрелой с крыши одного из домов. По другой версии, он был ранен в грудь. Несмотря на это, Дрейк кричал:

– Во имя королевы! Вперед!

Не сумев остановить обильное кровотечение, он вскоре потерял сознание, и истекающего кровью Фрэнсиса отнесли на галеру.

Впоследствии историки говорили, что такая забота была продиктована не столько любовью подчиненных к своему начальнику, сколько тем, что без опытного капитана они просто не смогли бы вернуться в Плимут, так что Дрейка следовало беречь.

О продолжении атаки не было и разговора. Англичане погрузились на свои пинасы и убрались из Номбре-де-Диоса. По пути, правда, было прихвачено и так неосторожно зашедшее в бухту испанское судно с грузом.

После этого англичане добрались до небольшого островка Бастиментос, где остановились перевести дух. А вскоре там появились и испанцы, прибывшие на переговоры. Несмотря на обмен любезностями и совместный обед и даже обмен подарками, каждый остался при своем: испанцы заявили, что намерены защищаться, а Дрейк – что не намерен отступать.

И тут снова Дрейку повезло, один из примкнувших к англичанам мятежных маронов сообщил, что в феврале 1573 года из Панамы в Номбре-де-Диос отправится большой караван мулов с перуанскими сокровищами. Англичанам достаточно было просто войти в одну из ближайших рек и перехватить перуанские богатства в пути в глубине Панамского перешейка.

– Тогда мы немедленно направляем свои пинасы в эту речку! – обрадовался Дрейк.

– Увы, зайти в реку Чергес можно только зимой, когда она становится полноводной, к тому же сейчас все золото хранится на складах в Панаме, а повезут его через перешеек на мулах также зимой.

Скоро, по славам марона, начинался сезон дождей, который должен был продлиться пять месяцев, и только после этого можно было думать о перехвате золотых караванов в джунглях.

Посланный проверить правдивость рассказа в устье Чергеса брат Дрейка Джо подтвердил информацию марона. Делать было нечего, надо было ждать зимы. Такой оборот дела не устроил капитана Ренса, и тот со своими людьми покинул Дрейка. Впрочем, тот этому был только рад, так как уменьшение числа участников экспедиции вело к увеличению их доли в будущей добыче.

Чтобы не терять времени понапрасну, Дрейк совершил набег на Картахену и у острова Сен-Бернардо захватил четыре испанских судна. Через некоторое время он их отпустил, так как людей для их укомплектования просто не было. Помимо этого ему пришлось сжечь и составлявшее почти весь его капитал судно «Лебедь», так как то пришло в негодность.

Затем был еще небольшой рейд к устью реки Магдалена, что на территории нынешней Колумбии. Там Дрейк поживился складами с продовольствием, попутно захватив еще три испанских судна, груженных домашним скотом и пшеницей.

Всю свою флотилию Дрейк направил в гавань, открытую братом Джоном, приказав ему построить на берегу форт и разместить там часть орудий. Сам же на двух пинасах отправился к Картахене. На подходах к порту он начал останавливать и досматривать выходящие и входящие испанские суда. Несмотря на то что при этом Дрейк их не захватывал, столь наглое поведение англичанина бесило местное испанское начальство. Впрочем, и испанцы в долгу не остались. Вскоре море опустело, и Дрейк был лишен возможности пополнять за счет испанцев свои запасы. Когда же он попытался высадиться у городка Санта-Марта, то был встречен ядрами и вынужден был отступить. К этому времени команды пинасов оголодали и начала роптать. Но перехваченный испанский транспорт решил эту проблему. Однако на этом беды не закончились, так как на пинасах началась эпидемия. Вскоре большая часть команды валялась в лежку, многие умирали. Умер и младший из братьев Джозеф, которого он в первый раз взял с собой в море. А затем пришло известие, что умер и средний брат

Джон. В отсутствие Фрэнсиса он решил отличиться и на пинасе вышел в море, чтобы захватить испанский приз. Во время боя с командой испанского судна Джон был ранен пулей в живот и умер в мучениях. История не оставила нам свидетельств о внутреннем состоянии Фрэнсиса Дрейка в те дни, но вряд ли оно было хорошим.

Наконец, в начале января 1573 года дружелюбные Дрейку мароны известили его о том, что в Номбре-де-Диос прибыл флот под началом Диего Флореса де Вальдеса для перевозки сокровищ. Это стало сигналом к действию.

Пинасы Дрейка вошли в реку Чергес и поднялись по ней настолько, насколько это было возможным. Затем начался сухопутный этап похода. С Дрейком отправилось полсотни матросов. Вели англичан союзные им мароны. Без помощи местных повстанцев предприятие Дрейка вряд ли бы вообще состоялось. Они указывали дорогу, несли поклажу, разбивали лагерь и готовили пищу.

На третий день пути отряд Дрейка вообще был с торжеством встречен в маронском селении.

В 10 часов утра на четвертый день перехода Дрейк достиг места, одинаково удаленного от Тихого и Атлантического океанов. Согласно хронике, там, на вершине огромного дерева, находилась построенная маронами деревянная площадка. Забравшись на нее, Дрейк увидел в сверкающих лучах солнца сразу два океана. Это было потрясающее зрелище, так как Дрейк был первым англичанином, кто вообще увидел таинственное «Испанское озеро», как тогда сами испанцы не без гордости именовали Тихий океан. Потрясенный зрелищем Дрейк заявил окружающим его:

– Клянусь, что если всемогущий Господь продлит мои дни, то я непременно пройду по этому морю!

– Если капитан не будет против, то и мы последуем за ним во славу Божию! – ответили матросы.

После этого отряд продолжал свой путь через джунгли, пока не вышел к дороге, ведущей на Вента-Крус – маленькому городку, куда свозились перуанские сокровища.

Верные помощники мароны и здесь оказали неоценимую услугу. Их лазутчики пробрались в город и выяснили, когда туда придет караван с золотом из Панамы.

И снова удача! Вернувшийся лазутчик донес, что «золотой караван» во главе с самим казначеем Лимы придет в Вента-Крус ближайшей ночью. Этот караван привезет драгоценные камни и золото. Следом за ним придет второй караван, груженный продовольствием и небольшим количеством серебра. И, наконец, последним движется третий караван, также груженный золотом и драгоценными камнями.

Наступал решающий момент всей экспедиции. Дрейк приказал матросам переодеться в белые рубахи, чтобы в темноте отличать своих. Отряд был разделен на две группы. Первой группе Дрейк приказал укрыться в густой траве у дороги и атаковать караван, когда с ней поравняется последний мул. Сам Дрейк с другой группой расположился на противоположной стороне дороги, но несколько впереди, чтобы атаковать голову каравана.

Началось томительное ожидание. Затем мимо англичан прошел караван, двигавшийся от Вента-Круса в сторону Панамы с продовольствием. А затем появились и мулы долгожданного каравана. Казалось, что удача теперь-то в руках Дрейка! Но именно в этот момент один из матросов, будучи весьма нетрезв, внезапно выскочил из засады и бросился к каравану, его конечно же догнали и повалили на землю, но испанцы заметили опасность. В город за помощью немедленно помчался всадник. Сам же караван остановился. Лимский казначей решил схитрить и пропустил вперед второй караван, груженный продовольствием. Не зная этого, англичане тут же атаковали и захватили его. Каково же было их разочарование, когда в снятых с мулов мешках оказалась... мука. А тут и новое известие: к месту захвата каравана приближается отряд испанцев.

Между командиром испанцев и Дрейком произошел обмен любезностями в духе того времени.

Офицер: «Кто вы такие?»

Дрейк: «Англичане».

Офицер: «Сдавайтесь во имя короля Филиппа. Даю слово джентльмена и солдата, что я встречу вас со всем почтением».

Дрейк: «Во имя королевы Англии я найду свой путь!»

После чего, посчитав, что все приличия соблюдены, обе стороны начали палить друг в друга. Несколько матросов было убито, сам Дрейк снова был ранен в ногу. Тогда Фрэнсис поднял англичан в атаку. Те начали отступать. В этот момент их атаковали и союзные мароны. Преследуя испанцев, Дрейк ворвался в Вента-Крус, но, не найдя там никакого золота, тут же его оставил. Операция была полностью провалена, и надо было уходить. Вечером 22 февраля отряд Дрейка подошел к заливу, где их ждали пинасы.

Фрэнсис Дрейк. Художник М. Геерертс Младший

Неудача у Вента-Круса несколько не поколебала решения Дрейка захватить испанские сокровища.

– Еще не все потеряно! – говорил он своим подчиненным. – Мулы еще не доставили драгоценной ноши, и «золотой флот» еще стоит в Номбре-де-Диосе! А потому мы продолжаем игру!

Дрейк снова разделил свой отряд на две группы. Одну он послал на пинасе «Медведь» на поиски продовольствия, а сам во главе второй группы на пинасе «Миньон» отправился к Номбре-де-Диосу.

Поход первой группы закончился успешно. Было захвачено испанское судно с запасом маиса, свиней и кур. Но еще большей удачей оказалось само захваченное судно, только что построенное и вполне способное к переходу через океан.

Самому Дрейку вначале также повезло, и он захватил испанское судно, перевозившее золото из Веругуа в Номбре-де-Диос. Шкипер судна, генуэзец, оказался словоохотлив:

– Когда я неделю назад выходил в море, в городе царила паника, вызванная слухами о возможном вашем приходе.

– Хорошо ли защищен город? – поинтересовался Дрейк.

– Город почти не защищен и легко может быть вами взят, но надо поспешить!

Дрейк приказал перегрузить золото с испанского корабля на «Миньон» и, захватив с собой генуэзца, поспешил в Веругуа.

Однако, когда пинаса подошла к входу в гавань, ее обстреляли с берега.

– Я же говорил, что следует спешить! – поджал плечами генуэзский шкипер.

Пришлось ни с чем вернуться назад. Утешением для Дрейка стали немного захваченного золота и новоприобретенный океанский транспорт, который Дрейк немедленно вооружил пушками. Не теряя времени, он направляется попытать счастья к Номбре-де-Диосу. По пути англичане встретили французских пиратов. Капитан французов по имени Тету поведал Дрейку о Варфоломеевской ночи в Париже, когда озверевшие католики вырезали тысячи гугенотов-протестантов. Известие потрясло Дрейка. Капитан Тету решил присоединиться к Дрейку, тот не возражал, так как французы сразу удваивали его силы. Будущую добычу было решено делить поровну. В знак дружбы француз подарил Дрейку дорогую золотую шпагу.

В двадцати милях от Номбре-де-Диоса в бухте Рио-Франциско был высажен десант. Посланные вперед мароны сообщили, что караваны мулов движутся к Номбре-де-Диосу и везут столько золота и серебра, что люди Дрейка не смогут даже все унести. Только вес серебра составляет двадцать пять тонн, а кроме того, много золота и драгоценных камней.

Захват караванов на этот раз прошел успешно. Охрана почти не сопротивлялась. В перестрелке был тяжело ранен капитан Тету. Взяв с собой столько золота, сколько можно было унести (на сумму около 80 тысяч испанских песо), англичане и французы закопали остальные сокровища и покинули место схватки. Когда к месту ограбления прискакал отряд испанцев, там уже никого не было. По дороге пришлось оставить с двумя матросами умирающего Тету. Через несколько дней его найдут и убьют испанцы, а захваченный матрос покажет им место, где были зарыты награбленные сокровища.

Утром 4 апреля, подойдя к Рио-Франциско, Дрейк увидел семь испанских пинас, блокировавших берег.

– Все было потеряно! – приуныли англичане с французами. – Очевидно, испанцам удалось захватить наши суда!

– Умереть мы всегда успеем! – заявил Дрейк. – Сейчас же давайте соорудим из поваленных бурей деревьев плот!

– Какой плот, когда все море в испанцах! – кричали матросы.

– На берегу нам все равно смерть, к тому же наши суда, возможно, не захвачены, а просто отошли от берега! А потому мы ночью незаметно проскочим мимо неприятельских пинас и отыщем свои суда.

В отчаянном предприятии вызвались участвовать английский и два французских матроса, да несколько маронов.

Когда плот был спущен на воду, Дрейк ночью вышел в открытое море и спустя каких-то шесть часов нашел свои пинасы. Протянув сотоварищам золотой слиток, он сказал:

– Благодарю Бога, дело сделано!

Ночью пинасы незаметно подошли к берегу, на них погрузили драгоценности. Дрейк не знал, что к этому времени испанцы уже вырыли его золото и серебро, а потому часть людей осталась на берегу, чтобы найти Тету и закопанные сокровища.

Оставленный на берегу отряд встретил одного из французских матросов, оставшихся с Тету, который рассказал о случившемся. Англичанам все же удалось найти кое-что из обнаруженного испанцами, после чего они присоединились к Дрейку. Сдержав слово, Дрейк разделил всю добычу поровну между своими людьми и французами.

Распровавшись с союзниками, Дрейк на захваченном испанском судне, в сопровождении одной из пинас, направился к устью Магдалены. Ему нужно было еще одно надежное судно для океанского перехода.

Обнаружив у Картахены большой испанский флот, Дрейк не смог удержаться, чтобы не подразнить испанцев. С многометровыми английскими флагами на мачтах он демонстративно продефилировал мимо стоявших на якорях испанцев.

А буквально на следующий день у устья реки Магдалены Дрейк увидел испанское судно, которое и было захвачено после небольшой схватки. Захваченное судно загрузили маисом, курами и свиньями. Испанскую команду отпустили на берег.

Вождю маронов по имени Педро Дрейк вручил золотую шпагу, которую ему подарил капитан Тету. Больше в Вест-Индии Дрейка уже больше ничего не держало, и английские суда взяли курс к родным берегам.

...Спустя 442 дня после начала плавания, 9 августа 1573 года, Фрэнсис Дрейк вернулся в Плимут. Предоставим слово историку: «Было воскресное утро, и в церкви Св. Андрея шла служба. Слух о прибытии Дрейка быстро разлетелся по городу. Молящиеся выбежали из церкви, оставив священника в одиночестве. Они спешили увидеть своих героев. Из семидесяти четырех человек, уходивших с Дрейком в плавание, вернулись сорок. Эти потери были не выше обычных по тем временам».

По возвращении Дрейк доходчиво объяснил королеве, что вся добыча была им «выменена законным образом у туземцев». Именно так и отвечала королева на запрос испанского посла, который чуть не задохнулся от ярости. Несмотря на то что Дрейку не удалось полностью осуществить задуманное, в целом экспедиция удалась, и Дрейк вернулся из Вест-Индии весьма состоятельным господином.

— Отныне я не завишу от богатых судовладельцев, — с гордостью заявил он друзьям. — Золото дает мне уверенность в собственных силах.

По возвращении Дрейк купил приличествующий его положению дом в Плимуте и, приобретя два судна, сам стал судовладельцем.

Деньги, как известно, быстро меняют людские привычки. Вот и наш герой, вернувшись домой, быстро полюбил находиться среди изящных и красивых и дорогих вещей и строить себя важным аристократом.

В течение последующих двух лет наш герой занимается налаживанием торговых дел да лечением ран в кругу жены и друзей, не слишком часто выходя в море. По рекомендации Джона Хокинса он поступил на службу к графу Эссексу, которому королева Елизавета поручила усмирение Ирландии. Как судовладелец он занимался в основном перевозкой туда английских солдат.

Впрочем, мысли Дрейка были уже далеко. Надо отметить, что Дрейк к этому времени уже серьезно отличался от подавляющего количества капитанов того времени. К своему капитанству он относился не как к ремеслу, а как к самому высокому искусству. А потому всегда серьезно интересовался книгами по навигации, испытывая прямо патологическое пристрастие к морским картам. На каждом захваченном судне он всегда прежде всего искал карты, компасы, астролябии и, как только их находил, сразу забирал себе. А книгу о кругосветном плавании Магеллана, с которой почти никогда не расставался, знал почти наизусть.

– Перед настойчивым и смелым капитаном открываются самые запретные испанские порты, в трюм его судна потечет испанское золото, – говорил Дрейк за кружкой крепкого эля своим друзьям.

– Возможно ли такое? – сомневались коллеги-судовладельцы.

– Если восточные побережья вест-индских владений Испании оказались почти незащищенными против моих ударов, то еще легче будет проучить испанцев со стороны Великого океана, где они уверовали в свое одиночество и владычество. Можете мне верить, можете не верить, но я накину петлю на шею богомерзкого короля Филиппа.

При этом Дрейк не только мечтал, но и трудился. Помимо всего прочего, среди его трофеев оказалась и испанская карта Индейского архипелага, кроме того, он собрал у пленных капитанов некоторые сведения о плаваниях испанцев в Тихом океане. Сведений и о самом океане, и о пути туда были сущие крохи, но и их Дрейк собирал, где только мог, чтобы иметь хоть какое-то представление о путях претворения в жизнь своего самого великого замысла в жизни.

Глава четвертая. Паруса, наполненные ветром

Между тем отношения Англии и Испании снова в который уже раз обострились. Граф Эссекс рекомендовал понравившегося ему Дрейка новому государственному секретарю Фрэнсису Уолсингему:

– Это именно то, что тебе сейчас надо. Этот парень умеет бить горшки на испанской кухне!

Уолсингему повторять два раза было не надо. Будучи предводителем «партии войны», выступавшей за войну с Испанией, он сразу же оценил полезность Фрэнсиса Дрейка. При этом у госсекретаря были на Дрейка особые виды.

Что касается самого Дрейка, то весной 1577 года в Португалии он приобрел новейшую карту у знаменитого картографа Дураде, а кроме того, выкупил секретное руководство для португальских лоцманов. Теперь Дрейк был уверен, что найдет путь к Молуккским островам и другим, закрытым в то время для англичан землям. На приеме у королевы он заявил:

– Ваше Величество, в условиях сегодняшних отношений с Мадридом было бы полезно отправить морскую экспедицию, которая бы подпалила испанцев в их самых уязвимых местах. Лучше всего направить ее к тихоокеанскому побережью испанской Америки. Официальной целью плавания будет объявлено открытие новых земель.

– И кого вы хотите поставить во главе? – близоруко сощурилась Елизавета.

– Известного вам Фрэнсиса Дрейка!

– Что ж, – согласилась королева, – выбор действительно неплох.

Не откладывая дела в долгий ящик, был создан «синдикат» для финансирования экспедиции. Деньги внесли Уолсингем, королевские любимцы граф Лестер и Хеттон, семья адмирала Винтера и Джон Хокинс с Дрейком.

Вскоре Уолсингем вызвал Дрейка и, подведя его к карте мира, спросил:

– Как ты полагаешь, где можно нанести наилучший удар нашему другу Филиппу?

– Только в американских владениях! – не раздумывая, ответил Дрейк.

– Ее Величество даст вам аудиенцию! – мотнул головой государственный секретарь.

На секретной аудиенции Дрейк подробно доложил о своем плане экспедиции. Елизавета отнеслась к нему благосклонно, а прежде чем отпустить корсара, неожиданно заявила:

– Я желаю иметь свой пай в вашем предприятии!

И тут же передала Дрейку круглую сумму.

– Но при этом одно условие, – добавила королева, – вы обязаны держать мое участие в вашем деле в полной тайне. Об этом не должен знать даже канцлер лорд Берли. Цена тайны – ваша голова.

Дело в том, что королева не доверяла своему канцлеру, полагая, что тот тайно поддерживает ее главную соперницу Марию Стюарт.

– Клянусь честью джентльмена! – поклонился Елизавете корсар.

В конце аудиенции королева вручила Дрейку вызолоченный меч и сказала на прощание:

– Мы считаем, что тот, кто нанесет удар тебе, Дрейк, нанесет его нам!

В устах Елизаветы это значило, что она наделяла Дрейка особыми полномочиями, вплоть до казни тех, кто попытается его послушаться. В преддверии того, что предстояло совершить Дрейку, это был весьма значимый подарок.

Подготовка экспедиции проходила в небывалой спешке. Помимо всего прочего, Дрейка подстегивало то, что его старый знакомец по рейду в Вест-Индию Джон Оксенгем уже покинул Англию, объявив, что желает прорываться в Тихий океан.

– Быстрее! Быстрее! Быстрее! – торопил корабельных мастеров и портовых чиновников Дрейк. – Я не желаю довольствоваться объедками со стола моего дружка Джона! Отсед.

Незадолго до выхода в море Елизавета послала Дрейку благовоения и сладости, а также морскую шляпу и зеленый шелковый шарф, на котором золотом были вышиты слова: «Пусть всегда хранит и направляет тебя Бог». Надо ли говорить, что Дрейк немедленно надел шляпу и повязал шарф, чтобы показать свою близость к королеве.

О маршруте предстоящей экспедиции знало вообще несколько человек. Когда кто-то спрашивал об этом Дрейка, тот делал круглые глаза:

– Плыдем утихомирить берберских пиратов от Алжира до Александрии.

Приготовление Дрейка, разумеется, взволновало и испанцев, знавших, что добра от такого человека, как Дрейк, им ожидать не приходится. Но даже хитромудрый испанский посол Гуэро де Спес не смог всего пронюхать, а потому с чистым сердцем доложил своему королю, что Дрейк собирается плыть в Шотландию, чтобы выкрасть там шотландского принца. Получив такое письмо, король Филипп успокоился, тем более что ему было тогда совсем не до Дрейка.

Именно в те дни в Лондоне был раскрыт заговор против королевы с целью ее убийства и последующей передачи короны католичке Марии Стюарт. Среди вдохновителей заговора оказался и посол де Спес. Разразился грандиозный политический скандал, вследствие которого посла бросили за решетку, наплевав на его неприкосновенность. В воздухе запахло большой войной. На английском побережье граф Лестер демонстративно собрал армию для высадки в Нидерландах в помощь вождю голландских протестантов Вильгельму Молчаливому. Испанцы на противоположном берегу выставили свою.

А потому выход в море с флотилии Дрейка прошел абсолютно незамеченным ни для английского истеблишмента, ни для подозрительных испанцев. Это случилось в пять часов пополудни 15 ноября 1577 года.

Уходящая в неведомую даль флотилия насчитывала пять вымпелов. Наибольшим судном флотилии являлся флагманский «Пеликан» с водоизмещением 100 тонн, который нес пожалованный Дрейку адмиральский флаг. Вице-адмиральский флаг трепетал над 80-тонным барком «Елизавета», где капитанствовал Джон Винтер. Помимо этих судов в состав флотилии входили: 30-тонный «Златоцвет» капитана Джона Томаса, 50-тонный «Лебедь» капитана Джона Честера и малыш, 15-тонный «Бенедикт» капитана Томаса Муна. На судах в разобранном виде находились четыре пинасы. Суда были неплохо вооружены и имели запас продовольствия на восемнадцать месяцев.

Команды насчитывали в общей сложности 164 человека. Помимо штатных матросов в их состав вошли аптекарь, сапожник, портной и даже священник.

К неудовольствию Дрейка, в плавание ему навязали и десяток отпрысков лучших английских семейств, среди которых был Томас Доути, бывший секретарь графа Эссекса, со своим братом Джоном. Впрочем, Дрейк по тогдашней традиции не забыл и о своих родственниках. Гибель в Вест-Индии почти одновременно двух любимых братьев его, увы, ничему не научила. В составе команды были последний из братьев Дрейка Томас, а также кузен Джон, сын дяди-адмирала Роберта Дрейка.

Двоюродный брат Дрейка Джон имел от него особое поручение – делать зарисовки берегов, бухт и гаваней, куда будут заходить суда флотилии. Дрейк считал это полезным.

Несмотря на весьма стесненные условия тогдашнего судового быта, свою каюту Дрейк постарался отделать и обставить с предельной роскошью. Даже посуда была исключительно серебряной. Был взят даже паж, обязанность которого заключалась в том, чтобы стоять подле кресла Дрейка, когда тот будет обедать. А четыре музыканта должны были ублажать слух и повышать аппетит во время обеда.

Когда друзья за это подняли на смех, он обиделся:

– Неужели вы не понимаете, что мне, просоленному морскому волку, нет никакого дела ни до пажа, ни до музыки, но я желаю поразить воображение тех народов, которые буду посещать, внушив им восторг и трепет к Англии!

Друзья в знак согласия кивали головами, не слишком веря в искренность дрейковских слов.

Перед выходом Дрейк собрал капитанов:

– Если кто отделится от флотилии, то рандеву назначаю у острова Могадор, что у берегов Марокко.

Вначале флотилия направилась на зюйд-вест к мысу Лизарда, но на следующее утро, на широте Фалмута, ветер изменился, а потому пришлось лавировать. А затем и вовсе начался сильный шторм, продлившийся двое суток, и, хотя суда успели спрятаться в гавани Фалмута, «Пеликан» и «Златоцвет» потеряли грот-мачты. Для починки пришлось вернуться в Плимут.

Только через две недели, 13 декабря 1577 года, Дрейк вторично снова вышел в море. На этот раз ветры были попутными, и флотилия без происшествий к Рождеству достигла марокканских берегов. В тот же день Дрейк перевел суда к острову Могадор.

Вначале между англичанами и местными жителями установились неплохие отношения. Начался даже обмен товарами, но затем марокканцам показалось, что перед ними португальцы, которых они ненавидели, после чего был захвачен в плен один из моряков.

Узнав, что перед ним не португальцы, местный султан Феззула принес свои извинения, и на этом инцидент был исчерпан.

31 декабря флотилия выбрала якоря и взяла курс на мыс Бланко.

К мысу суда подошли 16 января 1578 года, захватив по пути несколько испанских судов с грузами. Дрейк не был бы самим собой, если бы при удобном случае этого не сделал.

У мыса Бланко флотилия простояла неделю. За это время коман ды отдохнули, но налиться водой не удалось, как оказалось, на берегу ее просто не было. Каково было удивление Дрейка, когда местные жители сами предложили купить у него воды в обмен на амбру, мускус, вино и даже женщину.

– Очень тяжело наказал Бог этот берег! – комментировали эту ситуацию англичане.

У Бланко Дрейк отпустил захваченные испанские суда, сгрузив с них продовольствие и часть запасов воды. Впрочем, одно судно, наиболее новое и крепкое, он все же оставил при себе, назвав «Христофором». Но и здесь Дрейк поступил, как говорится, по-джентльменски. Взамен отобранного судна он отдал испанцам свой малыш «Бенедикт», который никак не годился для океанского плавания.

21 января корабли Дрейка покинули занесенный песками мыс Бланко, направив форштевни своих судов к более гостеприимным островам Зеленого Мыса. Плавание было вполне успешным, и 30 января Дрейк был уже у одного из островов архипелага – Майо. Затем перешел к острову Сантьяго, где захватил большое испанское судно с вином, шерстью, шелком и бархатом. Однако куда более значимым для него стало приобретение оказавшегося на судне пожилого штурмана португальца Нуньеш да Сильву, прекрасно знавшего побережье Южной Америки.

Что касается португальца, то он не устоял против щедрых посулов Дрейка, да и испанской короне штурман не присягал на верность, так что перешел от одних нанимателей к другим без каких-либо угрызений совести.

– Я нахожу ваше судно в прекрасном состоянии, а о вас слышал только как об очень грамотном мореплавателе! – сказал при знакомстве штурман адмиралу, чем конечно же весьма польстил Дрейку.

После этого Дрейк и да Сильва сразу же нашли общий язык.

2 февраля флотилия оставила острова Зеленого Мыса и взяла курс, пересекая Атлантический океан, на Бразилию. Имея на борту такого штурмана, как да Сильва, Дрейк мог себе позволить столь рискованный маршрут.

19 февраля английские суда пересекли «линию раздела», которая была в свое время установлена папой римским для разделения испанских и португальских заморских владений. Что касается англичан, то они плевать хотели с самой высокой мачты на предначертания римского понтифика. Пересечь Атлантику также удалось без каких-либо происшествий.

Все пока складывалось более чем удачно, и Дрейк, чтобы не вспугнуть удачу, ежедневно плевал трижды через левое плечо, стуча при этом костяшками пальцев по планширю фальшборта.

1 апреля показался долгожданный бразильский берег. Оставивший свои воспоминания об этом плавании священник экспедиции Ф. Флетчер писал о днях, проведенных в Атлантическом океане, следующее: «Мы не переставали удивляться и восхищаться Господом великим, создавшим неисчислимое количество как маленьких, так и огромных тварей в необозримых морях... Мы установили, что великие философы древности, такие как Аристотель, Пифагор и многие другие, как греки, так и римляне, ошибались, считая тропическую зону ненаселенной вследствие невыносимой жары. Напротив, эта зона оказалась поистине раем как на суше, так и на море, с которым ничто сравниться не может. Ничто не может быть более приятным для жизни человека, чем эта зона. Единственной неприятностью было то, что иногда не хватало пресной воды, но и то Господь давал нам воду с небес».

Более всего поразили англичан летучие рыбы, которые, выскакивая из воды, летели над волнами, а потом запрыгивали на палубы судов.

– Если бы я сам не видел крылатых рыб, никогда не поверил бы рассказам о них и назвал бы рассказчиков лжецами! – признался португальскому штурману Дрейк.

5 апреля корабли подошли к берегу у устья Ла-Платы. Команды нуждались в отдыхе. Да Сильва, приглядевшись к берегу, помрачнел:

– Это Земля Дьявола! Когда-то местные жители, чтобы выжить, отдали свои души Дьяволу, и после этого он здесь полноправный хозяин. А потому на здешних скалах нашли свою смерть немало наших судов.

Вскоре, оправдывая слова старого штурмана, шторм действительно перерос в настоящую бурю. Стало темно. «Наступила тьма египетская», – отметил Флетчер небывалую мрачность неба. А порывами ветра суда уже несло к берегу, вот-вот грозя выбросить на прибрежные камни. Ситуация была критической, но положение спас Нуньеш да Сильва. Направив головное судно в струю мощного течения, которое шло от берега в океан, он буквально выхватил флагман Дрейка из объятий смерти. Следом за ним также вырвались и остальные. Он благополучно вывел корабли в море. Лишь концевой «Христофор» прочертил килем по отмели, но все же сумел избежать крушения, хотя и не смог соединиться с остальной флотилией.

– Вам все мифы обязаны своим спасением! – сказал португальцу Дрейк, когда стихия понемногу начала стихать.

– Курс в устье Ла-Платы! – объявил Дрейк.

Это место будущего randevu он определил заранее и теперь надеялся, что туда прибудет и пропавший в океане «Христофор».

Так все и случилось, и спустя двое суток стояния в устье реки и томительного ожидания туда подоспел и отставший «Христофор». В честь счастливого исхода ожидания Дрейк назвал ближайший из мысов, у которого стояла флотилия, мысом Радости.

Огромная река заинтересовала Дрейка, и он совершил недельное плавание вверх по течению. Это небольшое плавание осталось в памяти участников экспедиции как сплошной отдых. Пополнив в реке запасы пресной воды, суда затем снова вышли в океан и продолжили

свой путь вдоль американского берега. А затем случилась неприятность, да какая! Неожиданно ночью потерялся «Лебедь» со своим капитаном Томасом Доути. Дрейк не находил себе места.

– Я имею основания серьезно подозревать Доути в срыве экспедиции. Мне говорили об этом еще в Англии, указывая на связь Доути с лордом Берли, к которому тот хотел пристроиться личным секретарем. А ведь лорд Берли всегда отличался пристрастием к испанцам! – говорил он своему брату Томасу.

Вообще надо отдать должное Дрейку, он никогда не был кровожаден и на фоне других деятелей своей эпохи отличался даже определенным либерализмом.

Примером такого либерализма может служить его отношение к тому же Доути. Несмотря на личную неприязнь к нему, Дрейк назначил Доути капитаном флагманского «Пеликана». Когда было захвачено испанское судно, на борту которого находился да Сильва, Дрейк отправил Доути капитанствовать на него, а еще спустя некоторое время перевел на «Лебедь». И вот теперь именно «Лебедь» исчез.

12 мая, спустившись до 47° южной широты, Дрейк обнаружил гавань, которая ему понравилась как место, пригодное для стоянки судов.

– Спустить шлюпку! – велел он. – Я сам обследую эту бухту.

Однако вернуться на борт флагмана Дрейк не смог – начался шторм, который ему пришлось пережить на берегу. Когда же ветер поутих и волна улеглась, оказалось, что пропало еще одно судно флотилии – «Златоцвет».

Некоторое время Фрэнсис ждал его прихода, но, так и не дождавшись, скрепя сердце, продолжил свой путь.

– Курс на порт Святого Юлиана! – распорядился он. – Там останавливался еще Магеллан, и там остановимся мы. Спустя двое суток суда бросили якорь в бухте, открытой легендарным Магелланом.

Найдя место очень удобным для стоянки, Дрейк тем не менее решил направиться сначала на поиски пропавших кораблей. Капитану «Елизаветы» Винтеру он велел следовать строго на зюйд, а сам на «Пеликане» отправился на норд и вскоре в бесконечности волн увидел паруса «Лебеда», при этом судно даже не пыталось сблизиться с флагманом. Едва «Пеликан» подошел вплотную к «Лебедю», Дрейк велел перегрузить с него на свое судно все припасы, затем перевели и команду, после чего «Лебедь» был сожжен.

Глава пятая. «Дело Доути»

Что касается Доути, то Дрейк, вернувшись в порт Святого Юлиана, вошел в такой раж, что, не желая слышать никаких слов оправдания, велел судить Доути. Судьями он назначил офицеров судов флотилии.

– Перед отплытием королева Елизавета сказала мне, что она считает: тот, кто нанесет удар мне, нанесет его и ей. Поэтому именем королевы я назначаю суд!

Один из друзей Доути по фамилии Викари, назначенный в судьи, прибыл к Дрейку и возмущенно заявил:

– Устроенный вами суд неправомоchen решать вопрос о лишении Доути жизни.

– Я и не поручал вам решать этот вопрос, – передернул плечами Дрейк. – Оставьте его решение мне. Вы должны только определить, виновен он или нет! Вас это устраивает?

– Вполне! – склонил голову ошарашенный Викари и удалился.

Суд состоялся на небольшом островке в заливе порта Святого Юлиана, который Дрейк не без сарказма назвал островом Истинной Справедливости. По воспоминаниям священника Флетчера, вина Доути была полностью установлена. Сам обвиняемый ее также полностью признал, причем сказал, что если судьи не вынесут ему смертный приговор, то он сам станет своим палачом. Возможно, Доути искренне раскаялся в содеянном, возможно, рассчитывал таким образом добиться снисхождения. Однако все сорок судий единогласно вынесли Доути смертный приговор. Определение вида казни предоставлялось на усмотрение Дрейка.

После зачитания приговора Дрейк объявил:

– Я предлагаю вам выбор. Желаете ли вы быть казненным на острове, или желаете вернуться в Англию, чтобы предстать перед Тайным советом королевы?

– Я благодарю вас, адмирал, за проявленную ко мне снисходительность и прошу время подумать до завтра.

– Хорошо! – кивнул Дрейк.

Утром следующего дня Доути снова предстал перед Дрейком и произнес речь:

– Хотя я и виновен в совершении тяжкого греха и теперь справедливо наказан, у меня есть забота превыше всех других забот – умереть истинным христианином. Мне все равно, что станет с моим телом, единственное, что я хочу, – это быть уверенным, что я сподоблюсь к будущей лучшей жизни.

Поэтому я опасаюсь, что, оставленный на суше среди язычников, смогу спасти свою душу. Если же я решу вернуться в Европу, то для этого понадобятся специальное судно, продовольствие и команда. Если даже вы дадите мне все необходимое для плавания, то не будет желающих сопровождать меня в Англию, а если и найдутся таковые, то для меня путь домой будет той же казнью, только долгой и мучительной, вследствие моих глубоких душевных переживаний от сознания своей тяжелой вины. А потому я от всего сердца принимаю первое ваше предложение, обращаясь только с просьбой, чтобы мне дали возможность перед смертью принять святое причастие вместе с друзьями и умереть, как подобает джентльмену.

– Ваша просьба будет удовлетворена! – согласился Дрейк.

На следующий день Доути причастился вместе с Дрейком. После принятия причастия они вместе вполне дружески пообедали, подбадривая друг друга. На прощание выпили один за здоровье другого, «как если бы им предстояло лишь обычное путешествие», отметил в своих записках Флетчер.

После обеда, не теряя времени, Доути встал на колени и обнажил шею. Взглянув на окружающих его людей, сказал:

– Я попрошу молиться за меня!

После чего, положив голову на плаху, сказал палачу:

– Делай свое дело без страха и жалости!

«По странной, роковой случайности, – замечает Флетчер, – инцидент в порту Святого Юлиана, которому место в жизнеописаниях Плутарха, произошел в том самом месте и примерно в то же самое время года, где 58 лет назад Магеллан приказал повесить Х. Картагена, кузена епископа Бургосского, вице-адмирала знаменитой экспедиции. Наши люди нашли обломки виселицы, сделанной из мачты, а около нее – человеческие кости. В силу старого морского поверья, что если иметь при себе сувенир, сделанный из куска виселицы, то тебя никогда не повесят, судовой плотник сделал из деревянных обломков виселицы кубки для команды. Что касается меня самого, то я не видел великой нужды из них пить, – отмечает Флетчер. – Покидая остров, мы назвали его Кровавым островом».

И сегодня историки далеко не единодушны в оценке событий, связанных с обвинением и казнью Доути. Главным источником информации для всех поколений исследователей являются записки Ф. Флетчера. Но насколько священник был беспристрастным – это большой вопрос. Ведь писал и издавал он их в те годы, когда Дрейк был в самом зените своей славы, его обожала вся страна, а королева публично демонстрировала ему свое благожелание. Впрочем, и Флетчер в своих воспоминаниях заступается за казненного. Он пишет: «По странной, роковой случайности этот безымянный остров в гавани Юлиана, который мы назвали Кровавым островом, мог бы прибавить к Плутарховым параллельным жизнеописаниям новую пару: пятьдесят восемь лет до нашего происшествия на этом же месте, приблизительно в то же время года, за такое же преступление понесли казнь два участника Магеллановой экспедиции, один из них – его вице-адмирал. Наши матросы нашли обломки виселицы, сделанной из соснового дерева, из мачты, довольно хорошо сохранившейся, а около нее – человеческие кости. Наш судовой бочар поделал из этого дерева кубки для матросов, хотя не все видели нужду пить из таких кубков. Мы вырыли на острове могилу, в которой вместе с этими костями похоронили тело Доути, обложили могилу большими камнями и на одном из них вырезали имена похороненных в назидание тем, кто придет сюда по нашим следам.

Впрочем, надо сказать, что не все так плохо думали о покойном Доути, не все поверили возведенным на него обвинениям и его, как говорили некоторые, вынужденному признанию. Среди друзей ходили и другие разговоры, о которых справедливо будет здесь хотя бы упомянуть. Говорили, что если и был заговор, то не со стороны Доути, а против Доути, что несчастный восстановил против себя часть своих товарищей, которые, может быть, завидовали ему и не могли простить того доверия, которое питал к нему генерал; с этой целью распускали темные клеветнические слухи, ждали случая, чтобы его погубить. Дело приняло дурной оборот после одного столкновения с генералом, в котором Доути стоял на страже чести своей и всего дела. Когда у африканских берегов было захвачено португальское купеческое судно, генерал назначил его капитаном Доути и приказал ему хранить доставшуюся добычу, не делая исключений ни для кого. Но, на грех, на этот же корабль был назначен и брат генерала Томас Дрейк, и будто бы этот Томас Дрейк нарушил запрет, взломал один из ящиков и запустил в него свою жадную руку. Доути узнал об этом и доложил по долгу службы своему начальнику. Фрэнсис Дрейк, говорили люди, пришел в неистовый гнев и кричал на Доути, что тот хочет запятнать честь не только его брата, Томаса, но и его лично, но что он, генерал, этого не допустит. Надо правду сказать, что характер нашего командира был властный и крутой.

Рассказывали случай, когда, рассердившись за что-то на судового священника, он заковал его в кандалы, отлучил от церкви и на шею велел повесить кольцо с надписью: “Величайший плут и мошенник на свете”. С этой ссоры, говорят, клеветники повели дело открыто, восстанавливая против Доути и генерала, и команду. Двое свидетелей рассказывали также, что, раз заподозрив Доути, Дрейк готов был приписывать ему все дурное. Так, во время

бури он бранными словами кричал, что эту бурю наслал Доути, что он волшебник, ведьма и что все это идет из его сундука. Потом, позже, передавали даже такой слух, будто погубить несчастного упросил Дрейка граф Лейстер за то, что Доути распространял-де сказки о смерти графа Эссекса, при котором оба, и Доути, и Дрейк, служили когда-то в Ирландии, и говорил, что смерть Эссекса была делом Лейстера.

Что правда во всей этой темной истории, а что нет – трудно сказать. Пожалуй, самым правдоподобным может считаться такое объяснение. Генерал, говорят, подозревал своего помощника в том, что тот, еще в Англии, зная от генерала его план, передал его министру, лорду Берлею. Это грозило опрокинуть все расчеты Дрейка, потому что Дрейк стремился своим поведением сделать войну с Испанией неизбежной, а Берлей отстаивал политику осторожности и мира. Во всяком случае, дело Доути продолжало глубоко волновать генерала и после казни.

Историк К. Малаховский отмечает: «Скорее всего, Дрейк имел некоторые основания подозревать Доути в некорректном поведении. Но также несомненно, что передаваемые Дрейку факты, обвинявшие Доути, были сильно преувеличены. Нельзя не учитывать и того, что Доути вызвал сильнейшее раздражение адмирала тем, что сообщил ему о самовольном присвоении ценностей с захваченного испанского корабля, на котором находился да Сильва, братом Дрейка Томасом. Дрейк тогда отстранил Доути от командования этим кораблем и вместо него назначил Томаса. Представляется, что казнь Доути была вызвана совокупностью причин. Тут и возбуждаемая врагами осужденного подозрительность Дрейка, и его растущая неприязнь к Доути, а самое главное – желание полностью исключить какие бы то ни было возможности для внутренней оппозиции в экипаже накануне самой ответственной части экспедиции».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.